

Сергей Арьков

ТЁМНЫЙ
ЛЕДЯНОН

Сергей Арьков
Тёмный легион

«Автор»

2019

Арьков С. А.

Тёмный легион / С. А. Арьков — «Автор», 2019

Привычный мир рухнул навсегда. От человеческой цивилизации остались жалкие крохи. Немногие уцелевшие пытаются выжить среди орд зомби, ежедневно подвергаясь страшной опасности. Повсюду хаос и ужас, беззаконье и лютый дарвинизм. Как же это прекрасно! Но обязательно найдутся те, кто помешают наслаждаться временами абсолютной свободы. А с теми, кто портит ему удовольствие, у Цента разговор короткий, будь то возрождающая цивилизация колония, живые мертвецы или немислимые чудовища, вылезавшие из самых глубин преисподней.

© Арьков С. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Сергей Арьков

Тёмный легион

Глава 1

Дневник Владика.

8 ноября:

Становится все холоднее. Вчера обнаружили магазин шуб и дубленок. Машка и Тот Чье Имя Тошно Называть (далее ТЧИТН) подобрали себе зимнюю одежду. Я тоже хотел взять куртку, но ТЧИТН не позволил мне этого сделать. Он желает, чтобы я страдал от холода. Если этот дневник попадет к цивилизованным людям, живущим в условиях стабильности и порядка, они должны знать обо всех злодеяниях этого изверга.

9 ноября:

Этой ночью едва не замерз насмерть. Машка и ТЧИТН спали в шубах у костра. Меня ТЧИТН к огню не пустил, заставив всю ночь обходить лагерь по периметру. Утром Машка и ТЧИТН ели тушенку, а мне не дали. Я не ел уже три дня. Если это прочтут цивилизованные люди, знайте – ТЧИТН злодей, его нужно судить за преступления против человечества. Не отмщения жажду, но справедливости.

10 ноября:

Как быстро изменился мир. От цивилизации не осталось и следа. Все стремительно приходит в упадок, разрушается и портится. Всего полгода прошло с тех пор, как древний бог обратил большую часть человечества в ужасных зомби. Всего полгода, а я почти не помню свою прежнюю жизнь. Сегодня пытался вспомнить пароль для входа на свой аккаунт в моей любимой ММО, и не смог. Если память не сохранила даже самого дорогого, то об остальном нечего и говорить.

Зомби повсюду, их не становится меньше, и они, похоже, не разлагаются. Живые люди попадают редко. Некоторые из тех, кого мы встречали, вели себя враждебно, другие, напротив, хотели с нами объединиться. Но... Боже, я не могу это писать, но должен. Цивилизованные люди должны знать правду. Их всех убил ТЧИТН!

11 ноября:

Выпал первый снег. Холод никак не влияет на зомби, они остаются все такими же активными. ТЧИТН разграбил винный магазин, напился и издевался надо мной всю ночь. Цивилизованные люди, заклинанию вас – покарайте злодея! Пишу это с риском для жизни, если ТЧИТН найдет и прочтет мой дневник, мне не жить.

12 ноября:

Судя по всему, в мире не осталось ни одного уголка, где бы еще сохранились порядок и стабильность. Мои надежды найти островок цивилизации не оправдались. Кругом хаос и ужас, живые мертвецы и ТЧИТН. Я так страдаю от одиночества без моих друзей из социальных сетей и невозможности сходить в рейд на героическом уровне сложности!

Машка сильно изменилась. Стала злой и жестокой. Не могу сказать наверняка, что так повлияло на нее: зомби-апокалипсис или ТЧИТН. Она больше не хочет бежать вместе со мной на безопасный и тихий островок, как мы когда-то мечтали. Похоже, ей по душе та жизнь, кото-

рую мы ведем сейчас. ТЧИТН учит ее всяким ужасным вещам: стрелять, драться. Мне кажется, Машка уже отравлена той же первобытной дикостью, что и ТЧИТН. Она приспособилась к новым реалиям, и это страшно. Той девушки, которую я когда-то любил, больше нет. Теперь это дикая амазонка, что с веселым смехом расстреливает зомби из снайперской винтовки или, ради удовольствия, рубит их мечами. ТЧИТН сделал ее такой, его сатанинское влияние погубило этот нежный непорочный цветочек. Неужели я последний, кто сумел сохранить в себе искру человечности? Боже, как страшно жить!

13 ноября:

Сегодня стал невольным свидетелем зверского злодеяния: ТЧИТН убил трех человек. Это были выжившие, такие же, как мы. Мы наткнулись на них случайно. Люди были настроены дружелюбно, предложили объединиться, и совместно искать других уцелевших. Они говорили о том, что нужно собирать человечество по крупицам, ибо в единстве его сила. У них были большие планы. Найти людей, создать что-нибудь вроде крепости, где за высокими и надежными стенами, среди дикости и ужаса, смогут взойти первые ростки грядущего порядка. Но как только речь зашла о порядке, ТЧИТН схватил битую и ударил одного из них по голове. Потом второго. Третий бросился бежать, но ТЧИТН догнал его, повалил на землю и забил до смерти. Это было ужасно. Я до сих пор нахожусь в шоковом состоянии. Цивилизованные люди, если этот дневник когда-нибудь попадет к вам в руки, умоляю – не дайте злодею уйти от наказания. Души невинно убиенных людей вопиют об отмщении.

14 ноября:

Запись сделана другим подчерком.

Владик, солнышко. Почитал я тут твои мемуары, и ужаснулся. Ведь я тешил себя надеждой, что ты, рано или поздно, превратишься в человека, но твоя писанина явно говорит об обратном. С прискорбием осознаю, что все мои педагогические усилия пошли прахом, и ты остался все тем же программистом, что и был раньше. Посему у меня не остается иного выбора, кроме как изгнать тебя из нашей дружной семьи, дабы своим присутствием ты и дальше не позорил мои седины и не отпугивал от Машки потенциальных женихов. Время на сборы тебе до вечера.

С любовью, ТЧИТН.

Владик поднял глаза со страницы блокнота, и напоролся взглядом на взгляд Цента. Тот сидел у костра, завернувшись в теплую шубу, и помешивал суп в котелке. У несчастного программиста в зобу сперло все. Дневник, который он тщательно прятал, все-таки был обнаружен и прочтен извергом. Теперь оставалось выяснить, является ли письменное уведомление об изгнании очередной злой шуткой, или Цент на полном серьезе вознамерился избавиться от него. С изверга станется. После всех его злодейств как в отношении самого программиста, так и в отношении третьих лиц, какое-то изгнание является сущим пустяком. Ну и что с того, что оно, фактически, означает смертный приговор. Изверг прекрасно знает, что один Владик протянет недолго. Если не зомби съедят его, так доконают холод и голод, а то и другие уцелевшие, не обремененные добротой и состраданием. Им уже доводилось сталкиваться с форменно кошмарными людьми, которые на поверку оказывались стократно хуже мертвецов. Были среди них убийцы, насильники и даже каннибалы. Конечно, Цент оставался вне конкуренции в плане кошмарности, но и те, другие, ненамного от него отстали.

Они разбили лагерь на развалинах колхоза. Все здесь обратилось в руины задолго до зомби-апокалипсиса. От строений в лучшем случае остались только стены, а кое-где обрушились и они. Вросшие в землю остовы тракторов и комбайнов, ржавые и страшные, производили тягостное впечатление. Будто привычный мир рухнул не полгода назад, а минимум век. Вокруг,

насколько хватало глаз, простирались заснеженные поля, с юга, на самом горизонте, маячила деревня. Они проехали сквозь нее, направляясь сюда. Владик опасался зомби, но тех оказалось удивительно мало. Лишь три мертвые старухи да несвежий дед вышли встретить городских. Можно было бы проехать мимо, но Цент остановил машину, после чего вместе с Машкой они провели зачистку территории. Методика борьбы с мертвецами уже была наработана. Вначале тем отрубались головы, руки и ноги, затем все это спрыскивалось бензином и поджигалось. Парочка орудовала мечами, которые позаимствовала в музее. Поскольку огнестрельное оружие доказало свою неэффективность, пришлось вооружаться по моде двенадцатого века. Машка подобрала себе легкий прямой меч, Цент пожинал урожай казацкой шашкой. Владик не питал страсти к холодному оружию, но изверг и для него кое-что прихватил. Это была богатырская булава – ошетилившийся шипами железный шар на метровой деревянной рукоятке. Весило оружие возмездия полпуда, и Владик с огромным трудом отрывал его от земли. А о том, как Цент однажды заставил его убивать этой булавой зомби, даже вспоминать не хотелось, потому что по мертвецу не попал ни разу, а себя едва не покалечил.

Помимо мечей из музея было изъято много полезного инвентаря. Кольчуги, некоторые элементы средневековых доспехов, щиты. Новые реалии требовали нового подхода, точнее старого, но основательно забытого. Еще в достатке имелось и бензина, и брошенных повсюду автомобилей, но уже не за горами были те времена, когда всем, желающим путешествовать, придется пересечь на лошадей. А когда подойдут к концу запасы консервов и сухарей, останется лишь один возможный способ добыть еду – охота.

Цент нехотя пошевелился, зачерпнул из котла половником, и снял пробу.

– Хорош супец! – вынес вердикт он.

Владик сглотнул голодную слюну. Волей жестокого изверга ему приходилось довольствоваться объедками, а суп если и доставался, то уже холодный, с кусочками хрустящего на зубах льда.

– Машка, иди к столу, – позвал Цент.

– Сейчас, – отозвалась девушка.

– Не сейчас, а иди, – заворчал изверг. – Трапеза, это тебе не шутки. Поглощение пищи и продолжение рода – самые важные занятия в жизни людской. Все остальное есть суета.

Владик тоскливо вздохнул, чувствуя себя ужасно суетливым. Самыми важными в людской жизни вещами он по-людски не занимался уже бог весть сколько.

Появилась Машка, в армейских ботинках, кожаной куртке, с СВД в руке и с мечом за спиной. Хватило буквально нескольких месяцев, чтобы девушка вконец одичала и освоилась в новом мире так, будто с рождения жила в условиях зомби-апокалипсиса. Владик не переставал с нее удивляться. Ну, ладно Цент, этот всегда был дикарем, ему любой хаос, что родная стихия, но Машка... Неужели в ее прежней жизни не было ничего такого, о чем бы она тосковала, и что хотела бы вернуть назад? Что-то ведь хорошее должно быть, о чем она тоскует. Вот он сам, к примеру, с теплотой и нежностью вспоминал о многих вещах, которые прежде воспринимал как нечто должное. Теперь даже не верилось в реальность тех времен, когда в интернет можно было зайти хоть с кофемолки. А какое это неземное счастье – централизованное отопление! Ну а о том, сколько всяких вкусных вещей было в прошлой жизни, Владик даже вспоминать боялся. Наверное, зомби-апокалипсис не был бы для него столь тяжек, если бы изверг из девяностых не морил голодом и не издевался прочими изощренными способами. Без интернета жить трудно, а без еды невыносимо.

Прислонив винтовку к кирпичной стене, защищающей костер от ветра, Машка подседа к котлу и вооружилась ложкой. У нее была своя ложка, как и у Цента. У того так целый половник. Для Владика изверг тоже подобрал подходящий столовый прибор – шумовку. Этим дьявольским приспособлением он иногда заставлял Владика хлебать бульон, а сам любовался сизифо-

вым трудом жертвы, тщетно пытающейся донести до рта хоть капельку питательной жидкости, и радостно ухмылялся.

Машка и Цент, обжигаясь, торопливо ели горячий суп с сухарями, Владик сидел в стороне и давился слюнями. К столу его традиционно не пригласили. И если раньше Машка волновалась о нем, упрашивая Цента допустить страдальца до пищи, то теперь все это осталось в прошлом. Ей, как и извергу, давно стало наплевать на несчастного программиста. Она стала жестокой и бесчувственной. Вадик горько разочаровался в своей возлюбленной, потому что та не заботилась о нем, не оберегала, не кормила и не защищала. Ну, защищать-то защищала, но больше за компанию, чем непосредственно его.

Порыв ветра донес до Владика аромат наваристого супа, и у великомученика свело желудок. Садист Цент, надо отдать ему должное, умел готовить. А стоило взглянуть на то, с каким аппетитом бездушные люди насыщаются, и градус страдания резко возрастал. Владик всхлипнул, и вновь подумал о том, что такая жизнь не стоит того, чтобы ее жить. Его надежда на то, что рано или поздно они отыщут нормальных людей, этакий последний оплот цивилизации, где порядок и стабильность, была непростительно наивна. Все кончено, цивилизации, как и ее носителей, больше нет. В этом аду выжили только те, кто сумел приспособиться к его суровым условиям, потеряв при этом остатки человечности. Такие дикари, как Цент, и как изменившаяся Машка. А все те добрые и отзывчивые люди, которые числились у Владика в сетевых друзьях, они давно погибли: либо превратились в мертвецов, либо были съедены уже после зомби-апокалипсиса. Никого-то он не отыщет. Впереди его ждет все то же, все с теми же. Быть у Цента персональным мальчиком для битья и издевательств, вот его ужасная судьба. Вечно в голоде, в холоде, без малейшей надежды на улучшение жизненных условий. Зачем нужна такая жизнь?

– Ох, супец хорош! – восхитился изверг, расстегивая ремень на брюках, чтобы влезло больше. – По новому рецепту. Вместо трех банок тушенки на котел, я сегодня четыре бросил.

– Вкусно, – похвалила Машка. – А что на десерт?

Цент оторвался от процесса насыщения и заглянул в свой пузатый вещмешок. Его он никогда не выпускал из виду, даже в машине не оставлял – все время таскал с собой.

– Так, у нас тут есть консервированные ананасы....

– Фу, надоели уже! – фыркнула Машка.

– Да, сам на них смотреть не могу, – вздохнул изверг. – Нахватал от жадности, а теперь хоть выбрасывай. Шесть банок еще. Ума не приложу, что с ними делать? Таскать лениво, а выбросить как-то жалко.

Владик с вспыхнувшей надеждой подался вперед, страстно борясь с желанием поднять руку, как в школе, и попросить слово. Уж он-то знал, каким образом можно утилизировать надоевшие всем ананасы.

– Выбрасывать не нужно, – согласилась Машка. – Оставь. Мало ли, вдруг встретим каких-нибудь голодных людей, отдадим им. Надо помогать тем, кто нуждается.

– Согласен с тобой, – кивнул головой Цент. – Это богоугодное дело, на том свете зачтется. Отдадим голодным. А сами.... О! Как насчет сгущенки?

– Я бы ее с кофе хотела, – закапризничала Машка.

– Ну, можно и с кофе. Насыпь в чайник снег, повесь на огонь. Можно и кофейку попить, отчего же нет? Дело хорошее. У меня вот тут еще зефир припрятан, если что.

– Этот зефир плохой, – заявила девушка, наполняя старый закопченный чайник по возможности чистым снегом. – Он или испортился, или некачественный. Я его поела три дня назад, и мне было нехорошо.

– Вот как, – испугался Цент. – Тогда ну его. Выброшу.

Владик встрепенулся, готовясь перехватить брошенный продукт в полете и потребить, пока не успели отнять. Но он недооценил жестокость изверга. Потому что непонравившийся Машке зефир Цент бросил не куда-нибудь, а прямо в огонь костра.

– Пусть горит, – прокомментировал свои действия Цент. – Чтобы никто случайно не подобрал и не отравился.

Наполнив чайник снегом, Машка повесила его над огнем, а сама продолжила трапезу. В Цента суп уже не лез, даже расстегнутый ремень не спасал. Тяжело отдуваясь, он привалился спиной к стене, пошарил по карманам и вытащил сигареты. Прикурив от извлеченной из костра головешки, изверг с наслаждением затянулся дымом, выпустил его изо рта вместе с паром, после чего случайным образом его взгляд натолкнулся на Владика.

– А ты что там сидишь, как чужой? – спросил Цент.

– Я? – испугался Владик, небезосновательно ожидая очередную порцию издевательств.

– Ты, ты. Тебе что, особое приглашение требуется?

Владик ушам своим не поверил – изверг приглашал его к столу. Давненько такого не случилось. Неужели в бездушной скотине пробудилась доброта? Крепко же она спала, так крепко, что создавалось впечатление, будто ее и вовсе нет.

– Ну, иди! Чего ты тупишь? – проворчал Цент.

Владика вскочил на ноги и бросился к котлу, на ходу выхватывая из кармана шумовку. Прошлой ночью он старательно залепил все дырки в ней старой жвачкой, как чувствовал, что столовый прибор ему скоро пригодится. Неужели сегодня ему выпадет неземное счастье похлебать горячего супа с тушенкой?

До котла с супом оставалось два шага, когда Цент вдруг возмущенно спросил:

– Ты куда прешь?

– Я? – опешил Владик. – Но ты же сам сказал...

– Я имел в виду, чтобы ты без дела не сидел, а залез повыше и осматривал окрестности. Зомби не дремлют, безопасность превыше всего. А ты что подумал?

Владик всхлипнул, утер ладонью брызнувшие из глаз слезы разочарования, и, спрятав шумовку обратно, побрел исполнять приказ бездушной скотины. Зря он думал, что у Цента проснулась доброта. Такого просто не могло быть, ибо нечему там просыпаться.

Чуть поодаль от их лагеря возвышалось здание коровника. К одной из стен хлева была прислонена старая деревянная лестница, знававшая лучшие дни. Взбираться по ней было небезопасно, но Владик, подумав о возможности падения и риске получить травмы, лишь грустно усмехнулся. Ему ли чего-то бояться?

Лестница выдержала. По ней Владик взобрался на места просевшую, а местами и обвалившуюся крышу, поднялся во весь рост и огляделся окрест. Вокруг развалин колхоза простерлись белоснежные поля. Тишина стояла фантастическая, будто весь мир вымер. Так оно, впрочем, и было.

Не обнаружив никакой опасности, Владик расчистил снег на крыше и присел на холодный шифер. Простыть не боялся, ибо это уже давно произошло. Что и не удивляло, ибо если в холод ходить в легкой осенней курточке, тонких штанишках и летних кедах, то не выдержит никакое здоровье, а у Владика, к тому же, иммунитет уже давно был ослаблен непрекращающимся стрессовым состоянием и скудным питанием.

Шмыгая носом и покашливая, дозорный сидел на крыше, вздрагивал от холода и пронизывающих порывов ветра, и старался наскрести в своей душе хотя бы горсточку позитива. Суицидальное настроение не покидало Владика уже давно, жизнь стала ему немила. Отчаянно хотелось перемен к лучшему, но умом понимал, что тем неоткуда взяться. Цент как был садистом лютым, таковым и остался. Машка раньше его иногда жалела, а теперь просто перестала обращать внимание. На свете, помимо них, были и другие люди, но тоже немногим лучше нынешних его спутников.

Владик мечтал найти секретный бункер, полный съестных припасов, с генератором и безграничным запасом топлива. Он бы заперся там один, и был бы счастлив. А если бы туда притащить компьютер с дюжиной любимых игр, то это уже даже неплохо, это уже даже очень

хорошо. Главное, чтобы в бункере была очень прочная железная дверь. Такая дверь, какую не сможет разрушить ни ядерный взрыв, ни даже Цент.

От сладостных мечтаний о волшебном бункере Владика отвлек шум мотора. Повернув голову на звук, он увидел их автомобиль, выезжающий с территории колхозного комплекса. В первое мгновение Владик ничего не понял. Почему машина уезжает? Куда она? Цент ли решил доехать до ближайшей деревни и поискать самогон, или Машка отправилась по каким-то своим делам? Но затем он глянул вниз, на лагерь, и у него остановилось сердце. Костер был засыпан снегом, все вещи исчезли.

– Что? Куда? – всполошился Владик, вскакивая на ноги. – Эй! Стойте!

Он начал подпрыгивать на крыше, размахивая руками, чтобы привлечь внимание своих спутников, но автомобиль продолжал мчаться по полю с той же скоростью. Недобрые предчувствия охватили Владика. Рискую сорваться, он быстро спустился по лестнице на землю и прибежал в лагерь. На месте костра возвышалась кучка набросанного снега, рядом с ней лежала его шипастая булава с намотанным на нее длинным теплым шарфом.

Владик, всхлипывая, выбежал в поле, все еще надеясь, что это очередная злая шутка изверга, но автомобиль уже скрылся из виду. Машка и Цент уехали, бросив его здесь.

Минут десять страдалец стоял на месте, с надеждой и мольбой вглядываясь в пространство. Все ждал, что вот сейчас на горизонте появится черная точка, разрастется до размера автомобиля, а затем наружу вылезет изверг, весело заржет над своей изуверской шуточкой, и велит лезть на заднее сиденье. Но время утекало, он замерзал все сильнее, а спутники, коварно покинувшие его, так и не вернулись. Ужасные подозрения овладели Владиком. В голову прокралась догадка, что все произошедшее отнюдь не является шуткой. То есть, в сатанинском представлении Цента это, возможно, и была шутка, ведь так весело бросить человека одного на верную смерть – бездна позитива гарантирована. Но Владика почему-то не было смешно. Ему было до одури страшно.

Топтаться на месте и дальше было бы форменным самоубийством, и Владик, рыдая от жалости к себе, вернулся к засыпанному снегом кострищу. Шарф, оставленный ему вместе с булавой, он намотал на голову вместо шапки, но от этого ему не стало лучше. Холод пробирал до костей, а ведь сейчас день. Что же будет ночью, когда мороз окрепнет? Владик знал, что будет. Будет страшная смерть программиста, садистски умученного людоедом из девяностых.

Порывшись в кострище, Владик убедился, что там не осталось ни одного тлеющего уголька. Все правильно, так и должно было быть. Изверг желал ему смерти, и отнюдь не хотел, чтобы программист имел возможность согреться у огня. Владик с надеждой пошарил по карманам, но там ожидаемо не было спичек. Он так привык, что все проблемы решает кто-то другой, что даже не держал при себе элементарный набор предметов первой необходимости.

Без огня, в легкой одежде, он был обречен. Уже сейчас он не чувствовал пальцев рук, а ступни в летних кедах одеревенели и не гнулись. Владик пробовал плакать и кричать, но это не помогло. Теперь уже отпали последние сомнения в том, что он брошен навсегда, и остался один на один с суровым и диким миром. Миром, где последних добрых людей злодей Цент вчера поубивал битой.

Обычно в такие моменты Владик впадал в пассивное отчаяние, но здесь и сейчас оно означало смертный приговор. Сидеть и ждать спасения неизвестно откуда не стоило, потому что ему неоткуда прийти. Нужно спасаться самому. А для этого следовало найти теплую одежду, укрытие на ночь, и, самое главное, источник огня. О том, что было бы неплохо отыскать и еду, Владик старался не думать. Ему и первые три пункта казались невыполнимыми.

Остаться на развалинах колхоза не имело смысла. Отсюда Владик знал только одну дорогу – обратно, в мертвую деревню, которую они проехали по пути. Там наверняка можно найти и одежду, и спички. Да и дома теперь все стоят бесхозные, пользуйся любым. Была лишь одна проблема – в населенных пунктах обычно обитали зомби. И если Цент с Машкой уже

успели записать на свой счет несколько тысяч живых мертвецов, то Владик за весь период зомби-апокалипсиса не убил ни одного. Дело было даже не в том, что процесс убийства зомби являлся невероятно трудным. На самом деле, по одному они не представляли особой опасности, были медлительны и глупы, но у Владика от одной мысли о предстоящем поступке отказывали и руки и ноги. До сих пор удавалось благополучно прятаться за спинами Цента и Машки, на чью долю выпадала вся грязная работа, но теперь.... Что ж, теперь выбора нет. Если он хочет выжить, а таковое желание по-прежнему теплилось в его душе, нужно научиться делать все самому.

Владик понял, что зря тратит время. Зимние дни короткие, а ночи холодные. Нужно добраться до деревни и найти убежище, и сделать это до того, как на мир опустится тьма. Он очень боялся мертвецов днем, но гораздо сильнее ночью. Лучше бы закончить все дела засветло.

Собираться особо не пришлось, из имущества у Владика было лишь то, что на нем. Он уже хотел выступить в путь, но тут взгляд его зацепился за лежащую на снегу булаву. Проклятая палица была тяжела как крест господень, да и орудовать ей Владик толком не мог – не хватало сил. Но все же это было лучше, чем столкнуться с мертвецами, не имея в руках ничего. В конце концов, разве он не сможет сделать замах и обрушить это адское приспособление на голову зомби? Одного удара хватит, даже если не вкладывать в него собственную силу. Владик подумал, и решился. Тяжело тащить эту дуру, но безопасность превыше всего.

С булавой на плече Владик побрел через поле по следам автомобиля бросивших его спутников. Где-то в глубине души еще жила робкая надежда, что за ним вернуться, но здравый смысл советовал к ней не прислушиваться. Конечно, все это могло быть каким-то садистским испытанием, и Цент придет за ним. Но вот когда? А что, если завтра? Или через неделю? Он и грядущую-то ночь не переживет, если не найдет укрытие и не добудет огонь.

Мертвая деревня маячила на горизонте группой заснеженных крыш, и как будто отдалялась по мере того, как Владик приближался к ней. Несчастный программист вспотел и выдохся, плечи болели от треклятой булавы, а поле словно разрослось до размеров галактики. Зато он согрелся, но и это не радовало. Тепло слишком дорого стоило. Следовало все время двигаться, а Владик не привык к столь активному образу жизни. Ну а его организм привык к этому еще меньше. До зомби-апокалипсиса Владик вел интеллектуальный образ жизни: играл в компьютерные игры, сидел на сайтах с бесплатной порнографией.... На улицу-то выходил раз в неделю, а то и реже. Его ведь никто не предупредил, что скоро привычному миру настанет конец, и придется бороться за выживание не в виртуальном пространстве очередной РПГ, а в суровом и жестоком реале.

Реал Владик никогда не любил, в первую очередь за его возмутительно несправедливое устройство. Тот во всем проигрывал РПГ игре. Например, в реале нельзя было в случае смерти начать с последнего сохранения, что напрочь убивало желание подвергать себя какому либо риску. Если в РПГ накапливаемый опыт улучшал характеристики и открывал новые способности, то в реале он давал лишь новую порцию разочарований. Точно так же обстояли дела и с игровым процессом. В РПГ основным занятием было интересное и увлекательное убийство всевозможных врагов с последующим выворачиванием карманов оных. Добытые трофеи можно было использовать для личных нужд, либо же выгодно продать. Каждое действие в мире РПГ было наполнено смыслом. Убивая, ты обретал опыт и добычу, продвигался по сюжету и получал море удовольствия. И при этом не подвергался никакому риску. В противовес этому, реал предлагал унылое существование, наполненное ежедневным посещением тошнотворно-неинтересной работы, вынужденным общением с неприятными тебе людьми, и все это только для того, чтобы заработать денег на еду и одежду. При этом еда не восстанавливала здоровье, а купленная за рубли одежда не защищала от физических атак, огня, электричества и черной магии. Летом годилась лишь на то, чтобы прикрывать наготу, а зимой слегка защищала

от холода. Да и как защищала-то! Если просто мороз на улице, то еще туда-сюда, а вот если маг в тебя ледяным копьём кинет, тут никакой пуховик не спасет.

Еще в игре был один важный плюс: ее в любой момент можно было поставить на паузу. В реале подобные штуки не прокатывали. Жизнь приходилось жить непрерывно. Владик в настоящий момент с огромным удовольствием приостановил бы свое существование, дабы сделать перерыв на кофе с эклерами, предварительно закинувшись парочкой матерых гамбургеров. Еще было бы неплохо поставить телепорт в какое-нибудь тихое и безопасное место, подальше от зомби, холода и Цента.

Вспомнив о Центе, Владик невольно вздрогнул. Эта скотина злая последние полгода только и делала, что издевалась над беззащитным программистом. Одним голодомором дело не ограничивалось, но именно пытка голодом была для Владика самой мучительной. Цент позволял ему питаться ровно в таком объеме, чтобы жертва не протянула ноги, но не более того. Да и съесть позволял лишь что-нибудь невкусное. Так, к примеру, Владик целый позапрошлый месяц был кормим луком. Эти тридцать лучших дней едва не свели страдальца в могилу. Он и раньше лук не любил, а теперь к горлу бросалась тошнота при одном только его упоминании. Добавилась еще одна психологическая травма в богатейшую коллекцию Владика, которая насчитывала уже тысячи превосходных образцов мученичества и страдания.

Постоянный голод, непрекращающиеся моральные унижения, разного рода физические пытки, всякий раз новые, оригинальные и неизменно ужасные – вот что составляло последние полгода его жизни. Зомби волновали Владика меньше всего, Цент об этом позаботился. На фоне изверга живые мертвецы не выгляди чем-то кошмарным или невозможным.

Владик вдруг остановился и удивленно огляделся по сторонам, будто пробудившись от долгого страшного сна. Да о чем он, в сущности, горюет? Его бросили? Дудки! Его отпустили на волю! Пусть Цент и защищал его от зомби, но плата за эту защиту была непомерной. Владик вдруг осознал, что впервые за долгие месяцы ада он счастлив. Ведь рядом больше не было этой кары божьей. А зомби... ну, да, они опасны, но если проявлять осторожность и разжиться подходящим оружием, ничего сложного в их уничтожении нет. Да и выжить самостоятельно будет куда проще. Вокруг всего полно – разных вещей, припасов. Зомби ничем этим не пользуются. Зато теперь никто не станет держать его на голодном пайке, руководствуясь своими садистскими наклонностями. Вся еда, которую он найдет, будет его. Вся!

У Владика слюни брызнули на три метра, когда он в красках представил себе, как обнаружит целый ящик тушенки. Были времена, когда в эротических грезах ему мерещилась Машка, ну и еще ряд девиц повышенной сексуальности, а в последнее время он стал до оргазма мечтать о еде. До чего довел его палач из девяностых! Он чуть было сам не превратился в зомби. Слава богу, теперь весь этот ужас в прошлом. Нужно не печалиться, но ликовать. А если Цент думает, что брошенный им программист в одиночестве неминуемо пропадет, то он жестоко ошибается.

Переполненный решимостью не пропасть назло извергу, Владик бодро зашагал к деревне. Он забыл об усталости, забыл о боли, даже забыл о том, что надо бояться мертвецов. Одна лишь надежда на то, что в поселке его ждет сытость, прекрасное, почти забытое ощущение, наполняла мышцы энергией, а душу мужеством.

До деревни он добрался в тот момент, когда начали сгущаться сумерки. Короткий зимний вечер грозился смениться темной ночью. Поскольку небо было затянуто тяжелыми темными тучами, грозящими вот-вот прорваться снегопадом, рассчитывать на свет Луны и звезд не приходилось. Впереди ожидалась тьма. Жуткая, непроглядная тьма. Владика вдруг охватил липкий ужас при одной только мысли, что он окажется в этой тьме посреди деревни. В поле, по крайней мере, было чуть светлее, да и не подкрадешься там к нему незаметно, все вокруг хорошо просматривается. Но остаться на просторе было невозможно. Мороз усилился настолько, что не спасала даже быстрая ходьба, да и сил осталось немного. Владик понял, что

выбора у него нет. У него один путь – в деревню. Есть там зомби или нет, это еще вопрос, но, оставшись на ночь в поле, он околеет без вариантов. А умирать почему-то не хотелось.

Деревня выглядела так, будто некое бедствие постигло ее задолго до зомби-апокалипсиса. Это был придаток торжественно почившего в девяностые колхоза, место хранения трудовых ресурсов, которые вдруг оказались невостребованными. Молодежь либо спилась, либо разбежалась, а большая часть стариков вымерла за годы порядка и стабильности. Возможно те мертвецы, которых прикончили Цент с Машкой, были единственными обитателями этого населенного пункта. Владiku, во всяком случае, очень хотелось, чтобы это было правдой.

Крайний дом Владик миновал без раздумий – тот стоял без окон и без дверей, с частично разобранной крышей и заваленным забором. Следующее жилище выглядело не лучше. Дальше дорога вползала в довольно узкую улицу, извилисто пролегшую между заборами. Владик двигался медленно, часто останавливаясь и прислушиваясь к вою ветра и стуку собственного сердца. Никаких иных звуков не долетало из внешнего мира.

Он дошел до прилично выглядевшего забора, над которым возвышалась крыша дома. Толкнув ногой калитку, Владик заглянул во двор. Там никого не оказалось. Программист просочился внутрь, и долго стоял, вновь прислушиваясь и разглядывая все темные углы. Под сенью виноградника ему почудился какой-то силуэт, и Владик едва не отдал богу душу от ужаса, пока не понял, что это не более чем игра света и тени.

Дом выглядел неплохо, двери и окна были на месте. Осторожно ступая по хрустящим под снегом сухим листьям, Владик подкрался к крыльцу. Входная дверь была слегка приоткрыта, сквозь щель в прихожую намело немного снега. Тот лежал ровным слоем, и никаких следов, человеческих либо звериных, на нем не было. То же самое касалось и крыльца. Разумеется, это ни о чем не говорило, ведь мертвецам не надо каждый день выходить из дому по разным, присущим живым людям, нуждам. Они запросто могут хоть месяц, хоть два, стоять себе внутри, привалившись к стене, и выжидать. Владик сам такое видел, когда они с Центом и Машкой влезли в отделение полиции в поисках оружия и боеприпасов. Там, в изоляторе, как раз и был такой мертвец. К тому времени прошло уже четыре месяца с момента зомби-апокалипсиса, а этот фрукт и не думал разлагаться, хотя определенные перемены в нем все же произошли. И, тем не менее, надежда на то, что зомби сгниют естественным путем за два-три месяца, не оправдалась. Мертвецы со временем лишь слегка усыхали, их кожа приобретала темно-коричневый оттенок, вытекали глазные яблоки, зато в движениях появлялась какая-то хищная стремительность. Нынешние зомби были куда опаснее тех, что бродили по улицам городов в самом начале конца света. Они уже двигались довольно быстро, а неделю назад Владик своими глазами видел бегущего мертвеца. Напрашивался леденящий душу вывод, что эти твари как-то учатся и осваивают новые навыки.

На самом деле, о природе зомби было известно очень мало. Члены Последнего ордена, перед тем как их всех убил Цент, рассказывали, будто мертвецов оживляют навьи, что вселяются в их тела. Владик плохо представлял себе, что такое навьи, но тот факт, что эти существа прибыли из мира мертвых по приказу Кощея, уже характеризовал их с резко отрицательной стороны. Вполне возможно, что эти навьи постепенно осваиваются в новом для себя мире, и, чего доброго, со дня на день зомби начнут демонстрировать наличие разума. Вот тогда действительно наступит конец всему живому. Тогда не устоят даже такие железобетонные субъекты, как Цент. А уж о нем самом и говорить нечего – слопают в первый же день.

Владик постарался прогнать от себя кошмарные думы. Незачем дополнительно накручивать себя, и так мочевого пузырь готов взорваться, даром что Владик опорожнил его перед входом в деревню. Повинуясь не столько порыву отваги, сколько насущной необходимости, программист поднялся по скрипучим ступеням крыльца и легонько толкнул входную дверь. За ней открылась прихожая. Там стоял старый стол, холодильник времен индустриализации,

на вбитых в стену гвоздях висела какая-то одежда. Дверь, ведущая в прочие помещения дома, была закрыта.

Войдя внутрь, Владик прикрыл за собой входную дверь и сгоряча запер ее на засов. Впрочем, уже через секунду он понял свою ошибку, и отпер единственный выход. Так уж сложилось, что самым эффективным боевым приемом в его небогатом арсенале было паническое бегство, и не стоило блокировать самому себе пути к отступлению.

Снаружи еще было относительно светло, но в доме, не смотря на распахнутые ставни, царил мрак. Повинуясь какому-то инстинктивному чутью, Владик пошарил по карманам висящей на гвоздях одежды, и едва не вскрикнул от радости, когда вытащил наружу небольшой светодиодный фонарик. Новой радостью оказалась новость, что тот находится в исправном состоянии. Яркий луч света ударил в глаза так мощно, что Владик на мгновение ослеп. Теперь бы еще какое-нибудь оружие, и, возможно, тогда у него перестанут так яростно трястись колени и стучать зубы.

Тяжелую булаву он поставил в угол – с ней особо не разбегаешься, а сам осторожно приоткрыл дверь, ведущую в жилые помещения. Луч фонаря выхватил из полумрака стол, заваленный грязной посудой, старый рукомойник, две сорокалитровые алюминиевые фляги и бок печки. Запах в доме стоял неприятный, но это была не трупная вонь, которую неизбежно распространяли вокруг себя зомби. Набравшись храбрости, Владик открыл дверь шире и просочился внутрь.

Домик оказался маленьким, разделенным печкой и фанерной перегородкой на две неравные части. Малая часть, как понял Владик, исполняла роль кухни, большая была одновременно и залом, и спальней и столовой. Свободного пространства в ней было очень мало, поскольку большую часть территории занимала архаичная мебель. Продавленный тушей владельца диван раскинулся так вольготно, что сразу становилось ясно – это сердце избы, ее центр и сосредоточие. У левой от входа стены возвышался древний шкаф, куда Владик заглянул, дабы убедиться, что внутри не притаился зомби. Оказалось, что ничего, кроме одежды, внутри нет. Владик, однако, этому ничуть не огорчился. Напротив, он быстро порывлся в ассортименте, вытащил какое-то странное черное пальто и надел его на себя. И только после этого понял, что пальто на самом деле является флотской шинелью со споротыми шевронами и знаками отличия. Она была пыльная, странно пахла и рассчитывалась на человека, значительно превышающего программиста габаритами, но Владик не обратил на это никакого внимания. Наконец-то на нем оказалась одежда, которая действительно грела, а не только прикрывала срам.

У противоположной от шкафа стены, на тумбочке, разместился покрытый слоем пыли телевизор. Рядом с ним стояла большая корзина, внутри которой обнаружилось несвежее белье. Владик наугад вытащил что-то, и этим чем-то оказались женские трусы кружевного фасона.

Убедившись, что внутри безопасно, Владик, набравшись нечеловеческого мужества, выскочил наружу и запер все ставни. Для надежности он не просто сцепил их крючками, но и зафиксировал найденной в прихожей алюминиевой проволокой. К тому моменту снаружи уже стояла ночь. Владик старался все делать быстро, но и на совесть, потому что теперь он был один, и полагаться приходилось лишь на себя. В случае чего, его не защитит Цент, не оборонит Машка. Теперь все сам.

Вернувшись в дом, он запер входную дверь, и дверь, ведущую в прихожую, после чего бросился к печке. Ноги в кедах замерзли так, что он не чувствовал пальцев, да и все остальное тело пребывало в состоянии, близком к обморожению. Никогда прежде Владiku не приходилось топить печь (один раз в компьютерной игре что-то такое было, но там все делалось одним кликом мышки), но он сразу понял, что лишь в ней его спасение. Если он не сумеет освоить эту исконную русскую процедуру, то околет этой ночью в любом случае, в доме или снаружи, потому что температура и там и там была одинаковая – убийственно низкая.

Освоить печку с насюка не удалось. Когда Владик напихал внутрь мятых газет и поджег топливо, то вместо живительного огня в избу повалил едкий удушливый дым. Владик закашлялся, но не запаниковал, и успел потушить прежде, чем атмосфера в доме стала непригодной для жизни. Затем примерно полчаса у него ушло на то, чтобы понять принцип работы печи и обнаружить проблему – оказалось, что дымовая труба перекрыта металлической заслонкой. Выдвинув ее, программист попытал счастье повторно, но в этот раз не стал пихать полную топку бумаги, положил лишь пару листиков. Огонь разгорелся, дым вначале опять полез в избу, но затем нашел другой, более подходящий для себя путь. У Владика из глаз брызнули слезы радости. Он стал быстро подкармливать огонь бумагой, с ликованием чувствуя, как к пальцам рук возвращается чувствительность. Затем быстро прошелся по дому, нашел старый табурет, разломал его, по возможности без шума, и отправил в топку получившиеся дрова.

– Господи! Хорошо-то как! – всхлипывал страдалец, протягивая ладони к огню.

Работа согревала, а недостатка в ней не ощущалось. Примерно час Владик заготавливал дрова, переломав половину мебели. В процессе им были сделаны разные интересные находки. Так в одном шкафу на условной кухне он обнаружил связку парафиновых свечей. Теперь можно было выключить фонарь, две свечи давали достаточно света, а третью Владик держал в руке, ведя свои исследования. Печка, охотно пожирающая домашний интерьер, уже слегка нагрелась. Покинутый людьми дом, то того стоящий будто мертвым, начал заново пробуждаться к жизни. Владик с возрастающей радостью понял, что не умрет. А он-то думал, что стоит ему оказаться в одиночестве, без Цента и Машки, как тут же сгинет на месте. Оказалось, что выживать одному не так уж и сложно. Он нашел себе убежище, сумел согреть его. И ведь это только начало самостоятельности.

Надежда отыскать в доме колоссальные запасы консервов не оправдалась. Все, что он нашел, это соль, какие-то специи и пакет с макаронами. Последняя находка воодушевила. В прошлой жизни, еще до Армагеддона, Владик макароны не жаловал, но теперь он готов был съесть их хоть целое ведро.

Вода в алюминиевых флягах ожидаемо оказалась тухлой, так что пришлось совершить еще одну вылазку наружу и набрать в кастрюлю снега. Ее Владик поставил на печь, которая к тому времени уже разогрелась настолько, что в шинели стало жарко. Снег быстро превратился в воду, Владик посолил ее и стал с нетерпением ждать. Макароны ему прежде готовить не доводилось, но он знал, что те надлежит бросать в кипящую воду, после чего, помешивая, варить до тех пор, пока те не размякнут настолько, что их уже можно будет съесть.

Спустя полчаса Владик с наслаждением уплетал макароны, щедро сдобренные солью и перцем. В избе было тепло, даже ступни ног оттаяли настолько, что к ним вернулась чувствительность. Владик жадно ел, время от времени воровато косясь по сторонам, будто боялся, что у него попытаются силой отнять порцию. За этот условный рефлекс следовало сердечно поблагодарить одного недочеловека. Ведь сколько раз такое было: найдет Владик случайно какую-нибудь еду, и только начнет ее потреблять, как Цент вот он, появляется будто из-под земли, и давай в садизме упражняться. Притом, если Владик пытался сжевать брикет быстрорастворимой лапши или черствый сухарь, все ограничивалось подзатыльником и лицемерной проповедью о вреде чревоугодия, а вот если страдальцу выпадало счастье добыть тушенку или шоколад, изверг запросто мог дать волю кулакам. Один раз вообще был страшный случай. Владика тогда посчастливилось невероятно – нашел герметично запаянную в полиэтилен палку сервелата. Умом понимал, что сильно рискует, но голодомор сделал его буквально одержимым едой. Не смог с собой совладать, набросился, пошел грызть колбасу вместе с полиэтиленом. И ведь почти успел, оставалось всего сантиметра четыре умять, когда появился терзатель. Ох, что там было! И напрасно Владик думал, что если что-то съел, то уже не отнимут. Отнял! Все отнял, изверг жестокий! Весь сервелат обратно вытряхнул, и, похоже, даже кое-что сверху.

Владик вздрогнул, стоило ему вспомнить о Центе. Полгода в компании этого демона сильно пошатнули его душевное здоровье. Психика являла собой одну сплошную травму, ночами снились исключительно кошмары, да и реальность была им под стать. Только теперь, уплетая макароны в теплой избе, Владик осознал, как был несчастен последние шесть месяцев, и сколь большой ошибкой с его стороны было считать, что одному в этом мире ему будет хуже, чем вместе с Центом.

Заглотив полную тарелку макарон (на пережевывание пищи время не тратил, вот еще!), Владик почувствовал себя крайне непривычно. Живот раздуло, сытость неприятной тяжестью навалилась на едва не атрофировавшиеся от безработицы кишки. Охая, и чувствуя, что погорячился, Владик прилег на пыльный диван. Какое-то время в утробе происходило нечто зловещее, доносились весьма грозные звуки, будто там, внутри, пробудился некий монстр. Владик даже стал опасаться, что у него там злой инопланетянин-людоед, но все обошлось. Если внутри и сидел инопланетянин, он удовлетворился макаронами.

Спустя полчаса боль в животе улеглась, и Владик понял, что организм успешно усвоил пищу. Программист поднялся на ноги, подбросил дровишек в печку и заварил себе чая. В заварке и сахаре недостатка не было, набитый в чайник снег очень скоро закипел на печи. Поскольку последние полгода Цент не позволял страдальцу съесть ничего, слаще горчицы, Владик, извергу назло, насыпал в чашку восемь столовых ложек сахара. С некоторым трудом размешав его в кипятке, он выпил напиток залпом, и тут же сообразил себе добавку. Таким манером усидел четыре чашки – уж больно соскучился.

После чаепития Владик почувствовал ужасную слабость. Разморенный теплом и сытостью, утомленный и психически травмированный, он более всего сейчас нуждался в долгом крепком сне. Цент ведь, собака лютая, и поспать ему толком не давал, постоянно будил разными изуверскими способами: то водой обольет, то ногой наступит, то в ухо заорет диким криком. После еды сон был первейшим лекарством для истерзанной души. Владик чувствовал, что завтра он проснется другим человеком, более решительным, независимым, не нуждающимся ни в чьей опеке. Но это завтра, а сейчас его веки неумолимо смыкались, и он всерьез опасался, что если срочно не устроится на диване, то рухнет прямо на пол. И все же он нашел в себе силы еще раз проверить засовы на дверях, а так же притащил из прихожей, и поставил возле дивана неподъемную булаву. Нет, ну надо же было подобрать ему настолько неподходящее оружие. Хотя бы меч, как у Машки, его он хотя бы мог держать в руках, притом без риска нажать грыжу. Удивляться тут, конечно, было нечему. Выбирал ведь Цент, а у этого талант к садизму от бога. Изверг сам как-то хвастался, что завистники ему однажды все паяльники переломали, так он одним ржавым гвоздиком так жадного коммерсанта попытал, что тот не только все номера своих счетов назвал, но и покаялся, в каком возрасте начал заниматься она-низмом, и что проделывал в своих фантазиях с учительницей истории – в подробностях.

Убедившись, что все входы в избушку надежно заблокированы, Владик сунул в печь остатки дров, а сам рухнул на диван и захрапел еще в полете. Невероятно, но впервые за полгода он спал спокойно, вообще без сновидений. А ведь обычно ему снилась всякая чернуха: Цент, разрывающий пасть порядку и стабильности, Машка, отдающаяся нескольким зомби сразу, или же вовсе бесконечные колонны марширующих паяльников под русский шансон о волках и зоне.

Сон Владика был подобен сну младенца в хорошем подгузнике. Не исключено, что ему приснилось бы что-нибудь хорошее, например, его прошлая жизнь, такая счастливая и безопасная. Или же он мог бы стать героем одной из своих любимых игр, могущественным магом или отважным воином, что прочесывает локацию за локацией, копит опыт, улучшает навыки и вообще ведет полную смысла и драйва жизнь. Ну, или там про Машку что-нибудь. Владик не отказался бы заняться сексом хотя бы во сне. Но в какой-то момент безмятежный младенческий сон вдруг оборвался. Владик открыл глаза, и обнаружил, что лежит на чем-то мягком

в полной темноте. В первое мгновение он не мог вспомнить, где он, что с ним, и куда подевались спутники. Затем память восстановила события минувшего дня. Спутники бросили его и сбежали, он остался один, сам по себе.

Дрова давно прогорели, воздух в избе стал прохладным. Владик не знал, сколько сейчас времени, но судя по тому, что сквозь щели в ставнях внутрь не пробивался свет, снаружи еще была ночь. Макароны, съеденные на ужин, за минувшее с трапезы время успели пройти тернистым желудочно-кишечным путем и теперь все настойчивее намекали на свое желание обрести свободу. Владик вначале решил, что это-то его и разбудило, но затем понял, что дело в чем-то другом. За время зомби-апокалипсиса, когда постоянно приходилось жить в страхе и ждать нападения в любую секунду, примитивное звериное чутье на неприятности резко обострилось. У Цента и Машки оно было развито сильнее, до того, что к ним даже спящим невозможно было подкрасться незаметно, но и Владик не лаптем щи хлебал. Ничем другим, правда, тоже не хлебал, ибо до щей его просто не допускали на том основании, что те, жирные, наваристые и вкусные, могут подорвать его здоровье. В отличие от лука – вот лук, это да, это сама жизненная сила природного происхождения. Но даже чувства программиста, терзаемого отвратительной едой и постоянными издевательствами, обострились до предела. Например, он мог почти физически ощутить на себя чужой взгляд, особенно взгляд недобрый. Раньше, до конца света, тоже случались аналогичные ощущения, но они были ложными, и являлись побочным эффектом просмотра темной ночью фильмов ужасов. Также казалось, что кто-то смотрит из угла или зловеще выглядывает из-за шторы. Но в том-то и дело, что тогда просто казалось, а теперь Владик точно мог понять, что да, смотрят, и смотрят отнюдь не из праздного любопытства, но с гастрономическим интересом.

Так вот, прислушавшись к своим ощущениям, Владик с нарастающей тревогой понял, что разбудил его вовсе не переполненный кишечник, а внутренний сигнал тревоги. Что-то было не так. И хотя умом он понимал, что двери надежно заперты, а сквозь окна не пробиться, не наделав при этом шума, все равно сердце было не на месте.

Не желая оставаться в темноте, Владик нашарил на столике перед диваном коробок спичек и зажег две новые свечи, поскольку старые успели полностью прогореть, пока он спал. Когда огонь рассеял тьму, стало чуть легче. Владик осмотрел свое убежище, и убедился в том, что и так было очевидно – никого, кроме него, тут не было, ни живого, ни мертвого.

В чайнике еще оставалась вода. Владик доломал все, что можно было сломать, и вновь растопил печь. Хотелось выпить большую кружку горячего, крепкого и сладкого чая. Ему понадобится заряд бодрости, потому что грядет не просто очередной день в мире, кишасщем зомби. Его ждет первый день самостоятельности. Владик не планировал сегодня же покинуть деревню, потому что не очень-то и представлял себе, куда ему теперь идти. Везде было одно и то же – обезлюдивший мир, безмолвные памятники рухнувшей цивилизации и толпы мертвецов. Здесь же, в деревне, было относительно безопасно. Вокруг еще много домов, в которых наверняка найдется еда и подходящая ему теплая одежда. Без валенок и теплой куртки идти куда-то в такой холод это форменное самоубийство. Да и вообще, нужно основательно подготовиться, найти оружие, собрать припасы в дорогу. Ну и еще понять для себя, а куда, собственно, ему идти.

Загрузив в печку дрова, Владик вновь присел на диван. В этой хате было уютно, тихо и безопасно. Если бы иметь солидный запас консервов, он бы остался тут зимовать – место ничем не хуже любого другого, а то и лучше. Что ж, можно пошарить по соседним домам, авось ему улыбнется удача обнаружить склад продовольствия на случай так и не случившейся ядерной войны. Тогда и идти куда-то через снег и мороз не придется.

План был неплох, но у него имелось одно слабое место: Владик не знал, есть ли в деревне зомби, и если есть, то сколько их. С двумя-тремя мертвецами поодиночке он, пожалуй, спра-

вится, но не с целым войском. Впрочем, будь здесь много трупов, он бы наткнулся на них, когда подыскивал дом для ночлега.

Владик стал придумывать, как лучше бороться с мертвецами. Богатырскую палицу в качестве оружия он даже не рассматривал, еще надорваться не хватало, размахивая этой тяжестью. Гораздо больше ему подошел бы топор на длинной рукоятке, а еще лучше, канистра бензина и спички. Зомби, даже расчлененные, продолжают сохранять активность, но вот огонь действует безотказно.

Мог ли в деревне быть бензин? Вполне. Владик загорелся этой идеей. Все-таки он не чувствовал в себе готовности разносить людям, пусть и мертвым, головы топором, отсекал конечности, дробить позвоночник. А вот облить бензином и бросить спичку... Ну, да, не порыцарски как-то, но с другой стороны, какое там к черту рыцарство, когда имеешь дело с ожившими мертвецами?

План в голове сложился четкий и гладкий, и никаких трудностей, как это обычно и бывает на уровне планирования, Владик не видел. Бензин, спички, горящие мертвецы, и вот он уже единственный жилец на всю деревню. Новый шериф так расхрабрился, что едва не бросился притворять свой замысел в жизнь сиюминутно, но вовремя вспомнил, что на улице еще темно.

Печка разогревалась медленно, Владик, чтобы не тратить времени даром, порылся в вещах прежних хозяев. В основном попадалась женская одежда, но в одной из коробок, пыльной и старой, он нашел зимние мужские ботинки, тяжелые, не новые, но зато теплые. Так же стал счастливым обладателем вязаных носков и свитера, явно женского, но зато толстого, с высокой шейей, и удобного. Вкупе с шинелью и найденной им шапкой-ушанкой, можно было сказать, что для суровых погодных условий он экипирован неплохо. Сложив обновку возле дивана, Владик подбросил дров в печь и снова лег. Свечи в целях экономии потушил, а сам остался в темноте. Лежал, слушал, как потрескивают дрова в печи, а сам думал разные думы. И вовсе не суицидальные думы, как раньше, при Центе, а светлые, связанные с надеждой на лучшее. Владик понял, что хочет жить, и будет жить. А Цент пусть катится ко всем чертям, и Машку с собой прихватит.

Владик начал фантазировать, как освоится в новом мире, станет невероятно крутым, сколотит себе лихую банду из бывших программистов и геймеров, а потом встретит Цента и жестоко отомстит ему за все хорошее, но тут до его слуха донесся какой-то звук. Это не был треск дров в печи. Хуже того, этот звук зародился где-то внутри дома. Он был похож на скрип деревянной ступени под чьей-то ногой. Владик, резко вспотев, какое-то время панически прислушивался, а затем его рука медленно потянулась к спичечному коробку на столике. И тут звук повторился вновь. Отпали последние сомнения в его реальности. Звук был настоящим, и его источник, соответственно, тоже. Притом списать все на мышку или еще какую-нибудь безопасную мелочь не удалось, потому что так шуметь могла только мышка размером с дога.

Владика охватил дикий ужас, вызванный не только этими звуками, но и непониманием их природы. Он ведь хорошо осмотрел всю избу. Кроме него здесь точно никого не было.

С пятой попытки он зажег спичку и перенес огонек на фитиль свечи. В тот же миг послышался жуткий скрежет и треск. Он несся из кухни, откуда-то из-за печки. Владик от страха намочил диван. Тут бы вскочить на ноги, схватить палицу и приготовиться к бою, ну или просто вскочить на ноги и бежать прочь, но программиста сковал паралич. То, что лезло к нему, не являлось человеком, ни живым, ни мертвым. Это было что-то другое, что-то неизвестное и явно кошмарное. Владик тут же вспомнил Кощея, которого Цент вначале довел до белого каления, а потом завалил камнями. Древний бог явно не испытывал теплых чувств ни к извергу, ни к его друзьям. Будь у Владика возможность, он бы объяснил Кощею, что Центу он не друг, но вряд ли монстр станет вникать в эти мелкие подробности. Что, если это он сам и пришел мстить одному из своих обидчиков? Или прислал кого-нибудь, сделать за себя всю грязную

работу? А работенка и впрямь намечалась грязная – под напором ужаса Владик не удержал в себе макароны.

Тут раздался жуткий хрип, плавно перешедший в рычание. Такие звуки издавали зомби. Чуть живой от страха, Владик увидел, что из кухни в зал входит нечто. Это был мертвец. Женщина-мертвец. Она остановилась в дверях, подняла голову, и когда грязные волосы сползли с ее лица, Владик увидел на месте глаз два жутких черных провала.

Рот мертвеца приоткрылся, обнажив два ряда гнилых зубов. Из него прозвучал рык, которым можно было напугать до икоты даже медведя, и кошмарная тварь пошла прямо на Владика, выставив вперед руки со скрюченными пальцами.

Нервы храбреца сдали. Ступор неожиданно прекратился, обретшее подвижность тело лягнуло ногой стол, опрокинуло его, и упавшая на пол свеча погасла.

Сбылся худший кошмар Владика. Он оказался один на один с зомби, в крошечном замкнутом пространстве, да еще и в полной темноте. В такой жуткой ситуации программист счел разумным сделать только одно – завизжать так громко, как только мог.

Где-то совсем рядом раздалось зловещее рычание, затем что-то коснулось его, и Владик понял, что это пальцы, мертвые и холодные. От страха у страдальца помутился рассудок, и он жалобным голосом стал упрашивать зомби не кушать его. А когда вторая рука мертвеца ухватила его за волосы и повлекла к себе с нечеловеческой силой, Владик понял – это конец.

Глава 2

В этот момент в прихожей раздался страшный грохот, затем прямо в глаза ударил нестерпимо-яркий свет. Владик невольно зажмурился, а в следующий миг ему в лицо тугой струей брызнуло что-то вязкое и зловонное. Он с омерзением понял, что это гной, тот самый, что заменял мертвецам кровь, и страдальца мощнейшим образом вырвало. Мертвые пальцы, схватившие его за волосы, разжались, и он без сил повалился на диван.

– Эй, ты? Ты живой? – прозвучал над ним незнакомый женский голос.

Что-то железное и острое ткнуло Владика в бок. Тот дернулся и приоткрыл глаза, но его вновь ослепил яркий свет.

– Скажи что-нибудь! – потребовал голос, и Владик расслышал в нем угрозу. Каким-то чутьем он понял, что нужно подчиниться, и желательно с этим не мешкать.

– Я живой, – прохрипел он. – Я человек.

– Тебя укусили?

– Нет. Нет. Кажется, нет.

– Кажется, или точно нет? – потребовала конкретики женщина.

– Нет.

– Что ты здесь делаешь? Как сюда попал? И чем так воняет... от тебя?

Владик не знал, на какой из вопросов отвечать в первую очередь. На первые два было долго, на третий стыдно.

– Я тут ночевал, – пробормотал он, протягивая руки к шинели. Судя по всему, входная дверь была распахнута, потому что в избушку снаружи полез ледяной воздух.

– Ночевал? – фыркнула женщина. – И не догадался проверить погреб?

Владик вздрогнул. Так вот откуда вылез мертвец. Из погреба. Оказывается, тот находился прямо под домом.

Тут же бросило в холодный пот, когда представил, что мертвец мог вылезти без лишнего шума, подойти к нему, безмятежно спящему, и впиться зубами в руку или ногу. Богатое воображение, помноженное на недавно пережитый стресс, едва не опрокинуло программиста в обморок. Владик подкатит глаза и зашатался.

– Эй, ты чего? – встревожилась женщина. – Тебя точно не кусали?

– Нет, нет, не кусали, – взял себя в руки Владик. – Можно мне одеться, а то холодно?

– Одевайся. И смени штаны, иначе в машину не пушу. Вот фонарь, я подожду снаружи. Давай, только, резче.

Бросив фонарь на кровать перед Владиком, женщина включила другой и вышла из дома. Владик не знал, кто его спасительница, даже разглядеть ее толком не успел, но кое-что он знал наверняка – упускать такой шанс нельзя. Женщина сказала, что возьмет его с собой. И у нее машина. Может быть, отвезет в какое-нибудь безопасное место. Во всяком случае, кто-то вновь собирался о нем заботиться, и это несказанно радовало.

Сменных штанов Владик не нашел, так что пришлось, переборов стыд, натянуть на себя теплые женские колготки. Остальная одежда уже была заготовлена им заранее. Облачившись, Владик стал похож на огородное пугало. Впрочем, его не слишком беспокоил собственный внешний вид. Те времена, когда подобные вещи действительно были важны, давно прошли. Ныне было важно другое – жив ты или мертв. Остальное не имело значения.

Подумав, Владик прихватил булаву, и, освещая себе путь фонариком, вышел из дома. Спасительница поджидала его во дворе. Солнце еще не взошло, но света уже было достаточно, чтобы рассмотреть ее во всех деталях. Владик как глянул на заступницу, так едва не передумал ехать с ней кататься, потому что от новой знакомой веяло той же первобытной дикостью, что и

от Цента с Машкой. Удивляться тут было нечему – никакие другие люди просто не пережили зомби-апокалипсис, но все же Владик надеялся встретить кого-то похожего на себя.

Женщине было около тридцати. Она была почти на полголовы ниже Владика, но выглядела значительно крепче и внушительнее. Одета она была в военную форму защитного цвета, армейские ботинки, а голову прикрывала совершенно не вяжущаяся с милитаристским образом пестрая шапочка с большим розовым помпоном. На поясе висел пистолет в кобуре, притом такой огромный, каких Владик никогда прежде не видел, через плечо был перекинут ремень автомата. В руке женщина держала японский меч в ножнах, кажется, он назывался катана. Второй рукой она поднесла ко рту сигарету и затянулась дымом.

Владик хотел сказать, что готов, но женщина, покосившись на него, бросила:

– Батарейки попусту не сажай.

– А?

– Фонарь, говорю, выключи.

Владик поспешно исполнил приказ.

– Меня Владик зовут, – представился он, чувствуя в воздухе какое-то напряжение. Женщина то ли жалела, что спасла его на свою голову, то ли замышляла что-то, что ему определенно не понравится. Вторая версия, наиболее мрачная, оказалась верной.

– Повернись, и заведи руки за спину, – сказала незнакомка, бросая окурочек на снег. Владик с оторопью увидел в ее руках наручники. В тот же миг в его голове вспыхнула картина повышенной мрачности: темный сырой подвал, окровавленные бетонные стены, он, подвешенный к потолку за руки, и мнимая благодетельница с паяльником в руке. Ох, не зря эта особа чем-то напомнила ему Цента. Наверное, из той же садистской серии. Кто знает, скольких беспечных и наивных юношей, как он, она вот так захватила и умучила в своем логове? А чего же не мучить-то? Полиции нет, закона нет, порядка нет. Анархия и вседозволенность. Кто сильнее, тот и прав.

– Не надо, – всхлипнул Владик, начавший жалеть, что его не съел мертвец.

Женщина досадливо фыркнула.

– Да не собираюсь я ничего с тобой делать, – пояснила она. – Просто должна убедиться, что ты не заражен.

– Но меня не кусали.

– Все так говорят. И те, которых кусали, тоже. Ученая уже. Так что не капризничай, повернись, и руки за спину.

– А что ты собираешься делать?

– Отвезу тебя в безопасное место, осмотрю. Если ты не покусан, доставлю в Цитадель.

– Куда?

– Увидишь. Ну, ты сам повернешься, или помочь?

Владик понял, что лучше подчиниться. Что-то ему подсказывало, что незнакомка легко сделает с ним что угодно, притом голыми руками, притом напрягшись лишь в четверть силы. Он вернул ей фонарик, поставил булаву на землю, а сам повернулся к избе передом, а к спасительнице задом, и завел руки за спину. В тот же миг на запястьях защелкнулись наручники.

– Иди на улицу, – скомандовала женщина.

За воротами стоял внедорожник с урчащим мотором и включенными фарами. Владик только подумал, что это может привлечь зомби, как тут же увидел мертвеца, бодро ковыляющего прямо к ним.

– Господи! Смотри! – заверещал страдалец, обращаясь к заступнице.

Женщина спокойно пошла навстречу зомби. В руках у нее была булава Владика. Когда до мертвеца оставалось метра полтора, женщина вскинула палицу, сделала замах, и нанесла удар. Била не руками, а всем телом, дабы вложить побольше силы в разрушительный импульс, и результат оказался впечатляющим. Голова мертвеца разлетелась на части, тело рухнуло на

снег и судорожно задвигалось. Спасительница воздела булаву над головой и с силой обрушила ее на грудную клетку зомби. Хрустнули ребра, во все стороны полетели капли гноя. Вадика замутило. Он счел, что этого достаточно, но спасительница оказалась старательной – четырьмя ударами раздробила локтевые и коленные суставы, и только после этого удовлетворилась своей работой.

– Ну и оружие ты себе подобрал, – заметила она, возвращаясь к машине. – Вещь солидная, спору нет, но больно трудоемкая. Лучше меч или топор. Сил отнимают меньше, да и чистить их проще. Хотя, может это с непривычки показалось.

Она взвесила на руках покрытую гноем булаву, затем недоверчиво покосилась на Владика. О чем подумала незнакомка, программист догадался без подсказок. Внешне он вовсе не производил впечатления чудо-богатыря, способного орудовать таким инвентарем.

Булаву женщина бросила в багажник, Владика запихнула на заднее сиденье. Когда тот оказался в салоне, она натянула ему на голову тряпчатый мешок.

– Зачем? – всхлипнул страдалец, которому опять померещились бетонный подвал и адские муки.

– Так надо, – пояснила благодетельница. – Поедем в мое логово. Оно только мое. Не хочу, чтобы кто-то знал, где оно.

– Но я никому не скажу! – поклялся Владик.

– Верю, – ответила женщина, но мешок с его головы не сняла.

Машина тронулась. Владик покачивался на заднем сиденье, и не знал, радоваться ему, или бояться. Если бы незнакомка хотела его убить, то убила бы на месте, а то и вовсе не стала бы вмешиваться, когда зомби попытался им поужинать. Но что, если он нужен ей живой для чего-нибудь ужасного? Маньячка ли она, или собирается использовать его в качестве раба. Кто знает, во что превратился мир за эти полгода?

– Алиса, – вдруг нарушила молчание женщина.

– А? Что? – испугался Владик, погруженный в свои кошмарные думы.

– Алиса. Имя мое.

– Очень приятно. Я Владик.

– Помню. Ты уже говорил. Слушай, Владик, ты не обижайся, конечно, но я все никак не могу понять – как ты сумел выжить один? Просто у меня глаз наметан, и я сразу вижу, может человек в одиночку выжить или нет.

Владик понял, что отрицать очевидное глупо.

– Я был не один, – сказал он. – Нас трое... было.

– Трое? А где остальные?

Вспомнив, как спутники бросили его на произвол судьбы, как собаку бросили, Владик не удержался и горько всхлипнул от жалости к себе.

Алиса истолковала его всхлип по-своему.

– Понимаю, – сказала она со вздохом. – Извини, не хотела напоминать тебе об утрате. Время такое, что каждый день кто-то кого-то теряет. Когда это случилось?

– Вчера. Днем.

– Вот как... Ну, что ж. Печально все это, конечно, но считай, что тебе повезло. Я вообще в эту деревню случайно попала. Тут делать нечего, давно все ценное забрали. Остановилась бензина залить, и услышала твой крик.

– Что такое Цитадель? – спросил Владик.

– Город. Ну, точнее крепость.

– Город? Крепость? – тупо переспросил Владик. – Я не понимаю. Городов больше нет. Они все мертвы.

– Старые мертвы. Это новый город. За высокими и крепкими стенами, через которые ни одна падла дохлая не перелезет. Мы ищем выживших, и свозим их туда. Пытаемся начать все

сначала. Когда все это завертелось, ну, кутерьма эта с зомби, многих пожрали. Сейчас трудно найти выживших. Так что если ты не покусан, это большая удача.

Владик ушам своим не поверил. Все это звучало как сказка. Город под защитой стен, полный нормальных живых людей... Да возможно ли такое?

– В Цитадели есть радиостанция, – продолжала рассказывать Алиса. – Оттуда каждый час идут передачи, на тот случай, если кто-то примет сигнал. Сообщаем, куда идти. Правда, приходят редко.

Владик вздрогнул, невольно вспомнив, как однажды нашел радио на батарейках, и хотел взять себе, но Цент отобрал и разбил о стену. Еще орать стал, что радио слушать нельзя, потому что с его помощью враги сбивают неокрепшие души с правильного пути. Если бы не этот питекантроп, он бы узнал о существовании Цитадели еще два месяца назад.

– Даже не знаю, существуют ли еще островки цивилизации, вроде нашей крепости, – вздохнула Алиса.

Островок цивилизации! Это звучало божественно. У Владика по щекам потекли слезы радости. Неужели весь этот кошмар позади, и он нашел нормальных людей? В это просто не верилось. Владик даже ущипнул себя за ногу через колготки, чтобы убедиться, что он не спит.

– А много там людей? – спросил он.

– Чуть больше пятисот.

– Пятисот? – ахнул Владик.

– Не так много, как хотелось бы, но хоть что-то.

– Но как вы там выживаете? В смысле, где находите пропитание. Ведь столько народу....

– Во-первых, есть поисковые группы, которые выезжают за продовольствием. Во-вторых, у нас там неслабое хозяйство. Коровы, куры – чисто веселая ферма. А по весне собираемся заняться земледелием. Нужно только за зиму успеть обнести поле оградой. Работы, в общем, много, каждый человек на счету.

– Ну а зомби, зомби-то вас не тревожат?

– А что зомби? – презрительно фыркнула Алиса. – Это вначале они здорово нами полакомились, когда все были поодиночке, и не понимали ничего. Люди сильны числом. Теперь-то у нас там и пушки, и огнеметы, и минные поля, и проволочные заграждения. Да и зомби эти, по правде говоря, ерунда. Ладно бы действовали организовано и с умом, тогда да, проблема. А они ведь тупые. Идут себе, упрутся в колючку, повиснут на ней и дергаются до тех пор, пока патруль их огнеметом не поджарит. Ну а если вдруг что, так мы и на танке можем выехать.

Владик чем дольше слушал, тем больше балдел. Безопасный мир, мир людей. Цивилизация, которую он уже похоронил, отпел и помянул, не погибла. Ее крохотное семя уцелело, впилося в почву и дало всходы. Напрасно изверг Цент разглагольствовал о том, что анархия и хаос теперь навсегда. Люди оказались сильнее этого дикаря. Они объединились, закрепились, набираются сил, и не за горами уже тот день, когда мир будет возвращен его законным владельцам.

В своем воображении программист уже нарисовал себе этот рай под названием Цитадель. За высокими стенами, надежно защищающими оплот цивилизации от дикого и свирепого внешнего мира, ровными рядами выстроились красивые коттеджи с зелеными лужайками и парковочными местами. По тротуарам прогуливались хорошо одетые цивилизованные люди, с чьих лиц никогда не сходят добродушные улыбки, по дорогам катились автомобили. Щебечут птички, играет музыка. Все счастливы и довольны. Живут в достатке и роскоши. А чтобы покой цивилизованных людей никем не нарушался, на высоких стенах денно и ночью дежурят автоматчики, готовые уничтожить любого зомби, вздумавшего подойти слишком близко к земному раю. Все это немного напоминало закрытый поселок для имущих из прошлой жизни, разве что тогда роль зомби исполняли живые люди пониженной финансовой успешности. Только в

те поселки пускали лишь богатых, а в Цитадель всех, у кого бьется сердце, и кто сохранил в своей душе огонь цивилизации.

И вот тут-то Владик вспомнил о Центе. Он, вообще-то, о нем и не забывал, но тут вдруг понял кое-что важное – если вдруг изверг обнаружит Цитадель, и ее обитатели, не зная, кто перед ними, пустят монстра внутрь, рай очень быстро превратится в ад. Цивилизованных людей нужно предупредить. Они должны знать, что по округе мотается существо, которое куда опаснее всех зомби на свете.

Владик хотел завести этот разговор немедленно, но в последний момент передумал. С такими серьезными вещами надо обращаться непосредственно к руководству, а Алиса явно не входила в правящую элиту. К тому же тут не впопыхах надо объяснять, не с мешком на голове. Важно ведь, чтобы люди все правильно поняли, осознали степень угрозы. Могут ведь отмахнуться, дескать, что нам один человек сделает, нас-то вон сколько, и это будет самой страшной ошибкой в их жизни. Потому что Цента ни числом, ни умением не одолеть. Единственный вариант – накрыть на подступах шквальным огнем артиллерии, минометов и стрелкового оружия всех калибров. В идеале, конечно, следовало бы пустить в ход ядерный фугас – распылить на атомы эту бациллу из девяностых, со всеми ее понятиями.

– Ты что притих? – спросила Алиса, заметив, что собеседник утратил интерес к разговору.

– Да нет, все хорошо, – глухо отозвался Владик сквозь мешок. – Просто никак не могу поверить, что где-то сохранилась цивилизация. Думал, что уже все, с концами. Так и попрем поодиночке, от голода, болезней и зомби.

– Ну, это уж ты загнул, – усмехнулась спасительница. – И одному можно выжить. Я вот выживаю.

– Но ты же живешь в Цитадели, – подсказал Владик.

– Формально. А на самом деле, я там бываю редко. Не нравится мне сидеть за стенами, как будто в тюрьме. И коров доить не нравится. Я, вроде как, поисковик. Ищу все, что может быть полезным. Обычно поисковики работают группами, но я одиночка. Мне так больше нравится.

– Это ведь очень опасно, – заметил Владик.

– Да перестань ты, – рассмеялась Алиса. – Вот честно, без обид конечно, но я таких нытиков, как ты, просто не понимаю.

– Каких это – таких? – обиделся Владик.

– Да таких, которые продолжают навзрыд оплакивать прежний мир. Уже полгода прошло, а они все успокоиться не могут. И смешно, и противно. Как будто лишились чего-то действительно хорошего. А от одного упоминания о зомби так прямо в обморок сыплются. Хотя, что такое зомби? Да просто кусок тухлого мяса, тупой и медлительный. Будь у нас не пятьсот нытиков, а пятьсот воинов, мы бы давно зачистили от мертвецов всю эту округу. Но ведь нет же, вместо того, чтобы сражаться, сидят и ноют, ноют...

Владику показалось, что он слушает Цента.

– Ты так говоришь, как будто тебе нравится зомби-апокалипсис, – проворчал он.

– А что? И нравится, – весело согласилась Алиса. – Да уж всяко веселее, чем прежняя жизнь.

– Разве ты о ней не скучаешь?

– О чем там скучать-то? Утром на работу, вечером с работы. А работала я на стройке. Целый день кирпичи в брикеты складываешь, чтобы их краном наверх подать, после пяти только и хватает сил, чтобы до дома доползти и на кровать рухнуть.

– Ты на стройке работала? – как-то испуганно пролепетал Владик.

– Да, говорю же. Ну а куда деваться? Образования нет, сама из деревни. Поехала город покорять, ну, ты знаешь. Тоже, как все дуры, думала, что принца встречу, то да се. Ну, не то чтобы думала, но в глубине души рассчитывала.

– Не встретила? – задал глупый вопрос Владик.

– Да вот как-то не сложилось, – засмеялась Алиса. – Ну а ты?

– Я тоже не встретил, – быстро ответил Владик, и собеседница опять засмеялась.

– Да понятно, что не встретил. Кем, говорю, был до всего этого?

– Программистом, – честно ответил Владик.

После его признания спасительница грязно выругалась.

– Да что ж такое, а? – негодовала она. – Опять черт знает что попало. Нет бы, сварщик или плотник, а еще лучше ветеринар толковый. Программист... Боже! И что с тобой делать? У нас там уже есть два программиста, так намаялись с ними, я тебе скажу. Никуда не годные, совершенно. Что им ни поручат, все плохо делают. Велят гвозди забивать, они молоками сами себе пальцы отобьют, велят землю рыть, они через пять минут без сил падают. Одного в караул на стену поставили, так он ночью ворону увидел, и стрельбу поднял. Едва паника не началась. Другого с поисковой группой отправили, а он мертвеца увидел, и как давай орать. Не успели оглянуться, как зомби уже со всех сторон прут, на его крик. Чудом ноги унесли.

Владик слушал все это, и в душе его поднималась волна обиды и возмущения. Как это было низко со стороны Алисы, судить обо всех программистах по двум знакомым ей экземплярам. Подумаешь, попались никчемные. Что за семья без урода? Но это же не значит, что надо всех программистов заочно считать бесполезными. Вот он, например, совсем не бесполезный. И если его поставят в караул на стену... Тут Владик в красках представил себя на высокой стене с автоматом в руках, а вокруг зловещая тьма, тишина, и вдруг прямо на него бросается что-то черное и с крыльями. Как бы там ни было, а тот программист оказался не таким уж трусом, раз стрелять начал. Владик на его месте отреагировал бы менее воинственно: сходил бы под себя и упал в обморок.

– А вообще, ты извини – после некоторой паузы произнесла Алиса виноватым тоном. – Я тут на тебя наехала, а ведь даже не знаю тебя толком.

– Вот именно, – обиженно буркнул Владик.

– Хочешь, я тебя порекомендую в поисковую группу? Работа интересная, и паек усиленный. Плюс возможность положить с поездки кое-что себе на карман. Но вот это последнее – строго между нами. В Цитадели об этом не болтай.

– Мне бы что-нибудь по специальности, – умоляюще попросил Владик.

– По специальности? Программистом, что ли? Слушай, если программисты и будут когда-нибудь еще востребованы, то лет через сто, если сумеем цивилизацию поднять. Ты подумай, что ты делать умеешь кроме этого, ну, или чем хотел бы заниматься.

Владик хотел сидеть дома, у своего родного компьютера, играть в любимые игры, кушать бутерброды с колбаской, прихлебывать кофе и наслаждаться жизнью. К сожалению, об этом приходилось только мечтать.

– Я подумаю, – выдавил он из себя.

– Думай, думай. Вакансий в Цитадели много.

– А чем теперь занимаются те два программиста?

– Да они... трудоустроены, – ушла от ответа Алиса. – Что тебе за ними гнаться? У них своя жизнь, у тебя своя.

Владик подумал, что с его коллегами по цеху произошло что-то ужасное (уж не ликвидировали ли их за бесполезностью?), но тут Алиса все же выложила горькую правду.

– Золотарями они работают, – выпалила она. – Ну, ассенизаторами, в общем.

– Это те, которые ездят на машине с бочкой и выкачивают...

– Нет, на машине с бочкой, это раньше было. А теперь пешком ходят. С ведрами. И не выкачивают, а вычерпывают.

Владика стало дурно. Если главных светочей цивилизации, программистов, низвергли в Цитадели в ассенизаторскую геенну, где смрад и слезы рекою, то так ли там хорошо на самом деле? А если и его поставят в усиление к коллегам? Будет ли ему лучше, чем с Центом? Тот, конечно, издевался, но зато не изнурял физическим трудом.

– Приехали, – сообщила Алиса, и машина остановилась.

Не снимая с его головы мешка, она вытащила Владика из салона и куда-то повела. Под ногами было что-то вроде крупной щебенки, Владик пару раз едва не споткнулся.

– Впереди ступени, – предупредила Алиса. – Поднимай ногу. Еще раз. Еще. И еще. Все, стой, я отпру дверь.

Звякнули ключи, затем дважды лязгнул замок. Послышался металлический скрип – судя по всему, это открылась дверь.

– Сейчас будет спуск, – подсказала Алиса, кладя руку на плечо Вкладка. – Ступени. Не споткнись.

Они опустились на восемь ступеней вниз, затем Алиса открыла еще одну дверь и втокнула его внутрь. Вслед за этим ее рука сдернула с головы Владика мешок.

Они оказались в каком-то подвале или бункере, на что указывали бетонные стены. На столике стояла керосиновая лампа, которую Алиса зажгла, погасив затем фонарик.

– Стой здесь, не бойся, – обратилась она к Владика. – Я пойду, запущу генератор. Скоро вернусь.

Она удалилась, закрыв за собой дверь и забрав керосинку. Владик остался один во тьме. Он уже не боялся, что Алиса окажется душевнобольной истязательницей, обожающей заманивать в свое логово доверчивых юношей и ввергать их в пучины адской боли. Куда больше его беспокоил предстоящий визит в Цитадель. Владик начал догадываться, что нарисованный им в воображении сказочный мир за высокими стенами на деле может оказаться куда мрачнее. Откровенно пугало, что придется заниматься физическим трудом. Да и отношение к программистам в Цитадели было, судя по всему, не самое лучшее. Конечно, его вряд ли станут удерживать там силой, захоти он уйти, но куда ему, горемычному, податься? Он не Цент и не Алиса, которым зомби-апокалипсис как родная стихия. Он так не умеет.

Внезапно над головой вспыхнула электрическая лампочка, залив все помещение желтоватым светом. Почти сразу же после этого появилась Алиса, принеся пластиковую корзину для белья.

– Раздевайся, – сказала она Владика, снимая с него наручники. – Вещи сложи сюда. Я тебе другие дам, у меня тут есть.

Владик встал на резиновый коврик, чтобы не морозить ноги на бетонном полу, и робко расстегнул верхнюю пуговицу шинели. Алиса стояла напротив, привалившись спиной к стене, смотрела прямо на него, и явно не планировала отворачиваться. Меч и автомат она оставила в машине, но огромный пистолет в кобуре остался при ней.

– Ты так и будешь смотреть? – спросил Владик.

– Нужно, – вздохнула Алиса. – Должна же я убедиться, что на твоём теле нет укусов. Да ты не стесняйся. Представь, что ты пришел на осмотр к врачу.

Владик хотел заметить, что врачи не носят с собой оружия, чтобы в случае подтверждения диагноза вынести больному мозги, но решил не умничать. В конце концов, правила есть правила. И понять Алису тоже было можно. Если хоть один зараженный проникнет в Цитадель, это может обернуться настоящей катастрофой.

Краснея и смущаясь, Владик заголил свое хилое тельце. В помещении было довольно холодно, и его тут же начала бить сильная дрожь. А тут еще Алиса, включив фонарик, принялась осматривать его со всех ракурсов, иногда заглядывая даже туда, куда сам-то ни разу

не смотрел. Когда она просила поднять руки или задрать ногу, Владик безропотно исполнял приказы, решив считать эту порцию унижения платой за проезд в Цитадель.

– Вроде бы ничего нет, – произнесла Алиса, выключив фонарь.

– Я же тебе говорил, – лязгая зубами от холода, сказал Владик.

– Хорошо. Одевайся.

Обновка оказалась лучше его прежнего наряда. Кое-что было велико, кое-что странно пахло, но в целом Владик остался доволен. Особенно его порадовал теплый армейский бушлат.

– Есть хочешь? – спросила Алиса.

– Да! – выпалил Владик. Полгода интенсивного голодомора под руководством нацистского преступника Цента не прошли даром – страдалец стал жаден до еды, и все время хотел кушать.

Алиса отвела его в соседнюю комнату, которая оказалась уютнее прежней. На стенах висели ковры, на полу раскинулся уже изрядно затоптанный палас. У дальней стены стоял диван, рядом с ним стол и стул. Еще было много картонных коробок, набитых всевозможными трофеями. Но особенно Владика порадовал обогреватель, работающий, очевидно, от генератора. Он прижал ладони к его теплой поверхности, и счастливо заулыбался.

– Ты тут живешь, да? – спросил он у Алисы.

– Да, – ответила она, и поставила на стол банку тушенки. Владик шальными глазами уставился на пищу, даже не веря, что это для него. Цент за одну только попытку покуситься на тушенку мог покалечить на всю жизнь, так что за полгода у Владика в мозгу сформировалась устойчивая причинно-следственная связь между поеданием консервов и телесными увечьями. Даже когда Алиса положила рядом с банкой консервный нож, бросила пачку сухариков и сделала приглашающий жест, Владик не сдвинулся с места. Сухарики оказались любимого Центом сорта, со вкусом холодца и хрена. На них Владик не пытался покуситься никогда, потому что знал – за это изверг просто убьет на месте.

– Ты есть будешь, или нет? – спросила кормилица.

– Это мне, да? – все еще сомневаясь в чуде, уточнил Владик, жадно, и в то же время с опаской, глядя на банку тушенки.

– А кому еще? Давай, подсаживайся. Вижу, ты голодный.

– То есть, мне можно это есть, да?

– Ну да, да.

– И сухарики?

– Сухарики тоже.

– А тушенку?

– И ее.

– То есть, я могу вот прямо сейчас сесть и кушать тушенку с сухариками?

– Мне тебя что, силой кормить? – вздохнула Алиса.

Владик рванулся к столу, едва не стоптав по пути благодетельницу. Одной рукой он вонзил в банку консервный нож, второй схватил пачку сухарей и впился в нее зубами.

– Подожди, я тебе ложку да...

Алиса повернулась к кормящемуся гостю, и поняла, что опоздала. От пакета сухарей не осталось ничего, Владик потребил его вместе с упаковкой. Банка выглядела так, будто у нее внутри взорвалась граната. Владик яростно терзал ее ножом, дабы добраться до крошечных кусочков еды, прилипших к ее поверхности в самых труднодоступных местах. Основную массу содержимого он проглотил целиком, даже вкуса толком не успел распробовать.

– Еще дать? – осторожно спросила Алиса.

Живоглот прекратил вылизывать растерзанную банку изнутри, уставился на благодетельницу дикими глазами и утвердительно кивнул.

Только после четырех банок тушенки и семи пачек сухарей Владик вернул себе способность мыслить. Он не помнил, как озверело жрал давно забытую человеческую еду, как жадно слизывал со столешницы крошки, как рычал волком, когда Алиса пыталась приблизиться к нему и отнять не до конца вылизанную изнутри банку. Словно нашло какое-то помутнение, и что-то свирепое и лютое вылезло из глубин подсознания, захватив контроль над телом и разумом. Он с ужасом подумал, что это могла быть та самая первобытная дикость, которая подчинила себе Машку, и которая являлась для Цента нормальным состоянием с рождения. Ну, или он просто озверел от голода, и вкус тушенки вызвал временное пищевое помешательство.

Так или иначе, но Владиду было немного стыдно перед новой знакомой за свое поведение.

– Ты как будто месяц еды не видел, – сказала она, когда Владик пришел в себя.

Страдалец горько вздохнул. В том-то и дело, что видеть-то он ее видел, каждый божий день, утром, в обед и вечером. Видел, как эту еду уплетают другие, а сам давился сырым луком или еще какой-нибудь гадостью, которую Цент разрешал ему потребить.

– Я плохо питался, – признался он.

– Почему? – удивилась Алиса. – Еды ведь вокруг полно. Заходи в любой магазин, и бери. Ну, колбасы там, сыры, это, понятно, испортилось, но консервов и сухарей в достатке.

Владик отмолчался. Рассказывать о том, как его месяцами терзал изверг, было и больно и унизительно.

– Ну, что, поехали в Цитадель? – предложила Алиса.

– Уже? – как-то даже испугался Владик.

– Лучше не тянуть. Тебя ведь надо зарегистрировать, поставить на довольствие, подобрать жилье. Да не бойся ты так.

– Я не боюсь, – соврал Владик, но прозвучало это крайне фальшиво. На самом деле боялся, и даже очень. Пугала, в основном, неизвестность. Большой вопрос, как там, в Цитадели, примут, и что там за люди живут. Ну и рассказ спасительницы о судьбе его коллег, обреченных вычерпывать ведрами продукты жизнедеятельности, тоже не вдохновлял.

– Знаешь что, – вдруг предложила Алиса, – ты не говори там, что программист. Скажи, что ты... Ну, что ты умеешь делать?

Владик, в общем-то, мало что умел за рамками специальности.

– Машину могу водить, – промямлил он.

– Вот! Уже что-то. А автобус можешь?

– Нет.

– Да это почти то же самое. В третью поисковую группу срочно нужен водитель автобуса. Скажешь, что умеешь, тебя сразу зачислят. Ну а там уж по ходу разберешься. Автобус, автомобиль – какая разница?

– А что случилось с предыдущим водителем? – спросил Владик.

– Ничего особенного. Несчастный случай на производстве. Ну, едем?

Вдаваться в подробности Алиса не стала, но Владик все постиг сам – несчастный случай, скорее всего, состоял в том, что водителя съели заживо. Работа, следовательно, крайне рискованная. С другой стороны, как назначат золотарем, и что же – всю жизнь известный продукт таскать? У него и раньше-то личная жизнь не клеилась, а с такой работой он до самой смерти в девках проходит.

Алиса вновь надела ему на голову мешок и повела наружу.

Минут через пять, когда они отъехали от убежища достаточно далеко, благодетельница позволила Владиду стащить с головы мешок. Автомобиль мчался по трассе, вокруг которой простерлись заснеженные поля. Он хотел спросить, далеко ли еще, но тут на панели заработала рация, которую Владик вначале принял за магнитолау.

– Всем группам, внимание, – прозвучал хрипящий помехами голос. – Экстренное сообщение. Общий сбор. Явиться в Цитадель немедленно.

Алиса протянула руку и сняла переговорное устройство. Нажав крупку передачи, она спросила:

– Кеша, что за дела?

– Чрезвычайное происшествие, – коротко гавкнуло радио, после чего невидимый Кеша начал повторно повторять сообщение.

– Странно, – протянула Алиса.

– Что случилось? – беспокойно ерзая в кресле, спросил Владик.

– Не знаю. Такого раньше не случалось.

Владик хотел еще что-то спросить, но тут его накрыла такая волна ужаса, что он лишился дара речи. Паренек все понял – это проделки Цента. Неужели изверг добрался до Цитадели? Неудивительно, что несчастные зывают о помощи. Там ведь сейчас террор, геноцид и репрессии в одном флаконе.

– Ты чего так побледнел? – покосилась на него Алиса.

– Да я... Это...

– Не пугайся раньше времени. Еще неизвестно, что стряслось. Может, ерунда какая-нибудь.

Впрочем, Алиса явно так не считала. Владик видел, что спасительница взволнована поступившим сообщением. А уж как он-то волновался, того и вовсе не передать. Только, казалось бы, нашел цивилизацию, и опять что-то плохое начинается. Ладно, если там массивная атака зомби, это пустяки. Но если в крепость ворвался Цент с бейсбольной битой... Господи, упокой несчастные души ее обитателей!

Владик был так встревожен, что прозевал самое интересное.

– Вон, смотри, – привлекла его внимание Алиса. – Слева.

Повернув голову, Владик изумленно хрюкнул. Посреди чистого поля поднималась какая-то разноцветная футуристическая громадина. Когда Алиса говорила о неприступных стенах, он думал, что речь идет о бетонном заборе трехметровой высоты, и это в лучшем случае. На деле все оказалось куда внушительнее.

– Что это? Из чего оно сделано? – бормотал потрясенный Владик.

Довольная произведенным эффектом, Алиса засмеялась.

– Железнодорожные контейнеры, – подсказала она. – Тут станция в десяти километрах, там целый состав с ними стоял. Перевезли сюда, установили в два ряда. Удобно. Одновременно и стена, и жилые помещения. То, что выше, уже позже наваривали.

Цитадель казалась просто огромной. Владик был так потрясен ее видом, что не сразу заметил сетчатое ограждение, создающее дополнительный периметр примерно в пятидесяти метрах от самой крепости. А потом он увидел такое, что просто обалдел.

– Там что, самолет? – простонал он, указывая пальцем направление.

– Да, самолет. Легкомоторный. Прикатили его на буксире. Пилотов вот только нет. Но двое ребят учатся, осваиваются помаленьку. Еще не летают пока, но всему свое время.

Въезд во внешний периметр сам напоминал небольшую крепость из бетонных блоков. Вид крупнокалиберных пулеметов в огневых точках и охраны с автоматами и мечами наполнил душу Владика восторгом. Тут уж зомби не пройдут. На семиметровой наблюдательной вышке находился дозорный с биноклем, обзеревающий окрестности. Возле ворот топтались четверо, один сидел за пулеметом, и лицо у него было крайне воинственное.

– Что-то больно бдительные они сегодня, – заметила Алиса. – Обычно в будке сидят, чай пьют. Неужели действительно что-то случилось.

За внешним периметром перед стенами Цитадели были припаркованы автомобили и автобусы. Вокруг них суетились люди в военной форме.

Остановив внедорожник перед воротами, Алиса спросила у подошедшего охранника:

– Что за дела, Семен?

– Группа пропала, – ответил Семен, оказавшийся пареньком лет семнадцати. А издали, в своей камуфляжной броне и с автоматом, выглядел могучим воином.

– Что значит – пропала? – удивилась Алиса. – Какая группа?

– Пятая.

– Да как это – пропала?

– Вчера выехали на поиск, – стал скучающим тоном вещать охранник, которому явно надоело повторять разным людям одно и то же, – задержались, сообщили по рации, что возвратятся затемно. Нам отзвонили на пост, предупредили. В девять дежурный звонит, спрашивает, прибыла ли группа. Мы говорим – нет. Ну, стали с ними по рации связываться, они не отвечают. В общем, до самого утра пытались связь наладить. Подумали, что они решили там заночевать, а рация просто из строя вышла. Ждали, что с утра приедут, а их нет и нет. Батя тревогу забил, сказал созвать всех. Они сейчас там поисковые отряды формируют.

– Ясно, – кивнула Алиса. – Пропусти нас.

– А это кто с тобой? – заинтересовался Семен, заглядывая в салон. – Не знаю его.

– Новенький. Нашла снаружи.

– Алис, ты же знаешь правила, – заныл паренек. – Нельзя без осмотра внутрь пускать....

– Я осмотрела его, – заверила Алиса. – Или ты мне не доверишь?

– Тебе доверяю. Конечно, доверяю.

– Ну, так пропускай. И где Батя?

– В штабе, с командирами групп. Совещаются.

Ворота открылись, внедорожник въехал на безопасную территорию. Владик, впрочем, не спешил радоваться. Его опасения не оправдались – Цент не напал на Цитадель и не устроил тут избиение младенцев. Но зато он с тем же успехом мог напасть на пропавшую поисковую группу. Извергу для этого не требовался какой-либо повод, мог просто так, в силу врожденной кровожадности. А если он увидел, как поисковики грузят в свои машины тушенку, то их уже ничто не могло спасти. Хорошо еще, если умерли легко и быстро, поскольку Цент не просто убийца, но еще и профессиональный терзатель.

Стены Цитадели, составленные из железнодорожных контейнеров, казались огромными и несокрушимыми. Ворота, ведущие внутрь, были приоткрыты, но въезд на транспорте туда был запрещен. Алиса припарковала внедорожник на свободном пятачке, рядом с обшитым металлическими листами автобусом, и вылезла наружу.

– Пойдем, – сказала она Владу.

На воротах опять стали выспрашивать, кто он такой и прошел ли проверку, но и тут слова Алисы оказалось достаточно, чтобы уладить все формальности. Похоже, в Цитадели она имела неслабый авторитет.

Внутри все оказалось не так круто, как представлял в своем воображении Владик. Коттеджей, зеленого газона и прогулочных дорожек не было и в помине. Вместо этого Цитадель внутри напоминала то ли гигантскую общагу, то ли лагерь беженцев, то ли цыганский табор.

Контейнеры служили не только стеной, но и жильем для сотен людей. В их железных боках были прорезаны двери, и из каждого торчала дымовая труба. Если снаружи крепость обдувал ветер, то в ее стенах дыма было столько, что выедало глаза. Отапливались жилища углем. Алиса на ходу пояснила, что уголь они берут с той же железнодорожной станции, откуда и контейнеры.

– На эту зиму должно хватить, – сказала она. – А там что-нибудь придумаем.

Под ногами чавкала липкая грязь, вокруг сновали люди, совсем не похожие на обитателей рая. Кто-то тащил от костра ведро с горячей водой, кто-то развешивал на веревках белье. Под жестяным навесом выстроились в ряд десятки газовых плит, подключенных к баллонам

с пропаном, еще больше усилия сходство Цитадели с коммуналкой. На них что-то готовилось в кастрюлях, жарилось на сковородах. Запах пищи смешивался с ароматом дыма и нечистот, доносящимся с отхожих мест. Отовсюду неся всевозможный шум: стук молотков, детский плач, визгливые женские голоса, кашель и ругань. Откуда-то сверху, со стены, сыпались искры – там работала сварка. Возле накрытого грязным брезентом танка прямо земле сидела девушка, тощая, невероятно грязная и какая-то отрешенная. Владика потряс ее внешний вид, и он спросил Алису, почему никому нет дела до этой несчастной.

– Насильно жить не заставишь, – пожала плечами она.

– Те есть как? – не понял Владик.

– Слушай, поисковики привозят снаружи не только еду, одежду и лекарства. Иногда доставляют и специфические вещи. Алкоголь, наркотики. Эту дуру я знаю, сама ее в Цитадель привезла. Имя только забыла, ну да бог с ней. Все равно долго не протянет.

– Она что, наркоманка? – испугался Владик.

– Да.

– Но чем она платит-то поисковику? Ведь деньги больше ничего не стоят, а что еще у нее может быть?

– Ну, ее тело-то у нее еще есть, – заметила Алиса. – Так себе тело, но тут, как видишь, выбор небогатый. Расплачивается собой. Вообще, будь моя воля, давно бы вывела ее за ворота, пулю в затылок, и точка. Но начальство каждого живого ценит... Хотя она-то тут при чем, не понимаю. Ее к зомби брось, жрать не станут, за свою примут. А кормить ее только в надежде на то, что теоритически может дать потомство... Господи, да что она даст? Загнется со дня на день.

В подтверждении слов Алисы девушка вдруг содрогнулась всем телом, и ее вырвало на собственные колени. Владик побледнел и быстро пошел за своей благодетельницей. Рай, нарисованный его воображением, все больше и больше напоминал нечто совсем противоположное. Он-то думал, тут собрались цивилизованные люди, а на деле процветает наркомания, алкоголизм и бытовая неустроенность. И как с такими людьми жить бок о бок, да еще в замкнутом пространстве, откуда не сбежишь? Теперь-то Владик понял, почему Алиса предпочитала жить не в Цитадели, а в собственном логове.

Штаб располагался в одном из контейнеров на втором ярусе, куда вела металлическая лестница. Еще на подходе Владик услышал шум голосов. Разговор велся на повышенных тонах. Он робко предложил Алисе подождать ее снаружи, но та не позволила, сославшись на то, что Владик пока не прошел осмотра, не имеет учетной карточки, и в Цитадель его пустили под ее ответственность.

– Будь рядом, – сказала она. – Но не отвечивай.

Владик тут же применил излюбленную тактику – постарался представить себя маленькой незаметной мышкой.

В штабе было накурено так, что хоть топор вешай. Над столом с картой склонился суровый мужик лет пятидесяти, в военной форме с погонами. Владик плохо разбирался в армейских званиях, поэтому не знал, что означают три крупные звездочки, расположенные треугольником. Решил, что это генерал. Мужик полностью соответствовал этому званию – выглядел он властным и воинственным.

Помимо него внутри находились командиры четырех поисковых групп. Все они показались Владиду какими-то фантастическими героями – высокие, крепкие, с такими лицами, что любое смело лепи на героико-патриотический плакат. На каждом висело по целому арсеналу холодного и огнестрельного оружия, и Владик, у которого не было даже ножики, почувствовал себя голым и беспомощным среди этих титанов.

Когда они с Алисой вошли внутрь, один из командиров яростно доказывал что-то генералу. Тот слушал с хмурым лицом и продолжал смотреть на карту.

– Батя, да ты послушай, – втолковывал оратор, – ну не могли они сойти с маршрута. Там ведь сходить некуда. А по полю автобус не пройдет. Не надо дробить силы.

– Ну а что ты предлагаешь? – хрипло спросил Батя.

– Возьмем всех, и пройдем по маршруту. Сам понимаешь, мертвецы тут вряд ли при делах. А если там какая-то банда, нужно выследить и зачистить, иначе они нам житья не дадут.

– Ну а если у них все-таки просто поломка? – предположил другой командир.

– Что, у всех сразу? – хмыкнул Батя.

– Ну, всякое бывает. Нет, вообще я с Андрюхой согласен – едем толпой. Мало ли.

– Ну, Батя, что ты скажешь? – потребовал решения командир, которого звали Андреем. – Решай.

– Ну, ладно, – вздохнул генерал. – Так и поступим. Возьмите пять машин и лучших людей. Все время быть на связи, докладывать обо всем. Если там какие-то бандиты, не дай бог, с ходу в бой не лезьте. Оцените, что и как, если надо, запросите подкрепление. С живыми людьми воевать не то, что с зомби. Это, ребята, куда как сложнее. Не рискуйте там понапрасну.

Тут он поднял взгляд и увидел Алису. За ее спиной робко прятался Владик, интенсивно представляющий себя маленькой мышкой.

– А, Алиса, и ты тут, – отметил Батя. – В курсе уже?

– В общих чертах, – ответила Алиса, кивками здороваясь с командирами.

– Поедешь с ними. А это кто с тобой?

Алиса шагнула в сторону, и все дружно усталились на Владика. Тот понял, что прикинуться маленькой мышкой не удалось, поэтому он робко улыбнулся и поздоровался с коллективом.

– Новенький, – сказала Алиса. – Нашла на юге, в деревне у колхоза.

– Один был? – спросил Батя, оценивающе разглядывая Владика.

– Да.

– Ну, хорошо. Возьми мальчика с собой, поглядим, что за фрукт.

– Куда взять? – испугался Владик, но Алиса уже тащила его наружу. Следом штаб покинули командиры групп.

– Куда взять? – опять спросил у нее Владик.

– На задание. Отправляемся искать пропавшую группу.

– Но я там зачем? Я бы мог вас тут подождать.

Алиса остановилась и посмотрела Владика прямо в глаза.

– Ты хочешь в поисковую группу? – спросила она. – Или предпочитаешь нечистоты выгребать?

Владик кивнул головой, хотя и сам толком не знал, что именно выбрал. Оба варианта казались ему одинаково непривлекательными.

– Вот тебе и представился шанс себя проявить, – похлопала его по плечу Алиса. – Пользуйся моментом.

– Подвиг надо совершить, да? – совсем скис Владик, у которого это слово стойко ассоциировалось с изощренным самоубийством.

– Для начала, хотя бы постараться не трястись от страха, – посоветовала Алиса. – Не бойся. Вон нас сколько едет. Все будет хорошо. Ну, готов?

Владик секунду колебался, затем судорожно кивнул головой. Никакой готовности, на самом деле, он не чувствовал, но сознаться в собственной трусости и выбрать стезю черпальщика было бы невыносимо унижительно. Да и кто знает, может быть именно сегодня в нем и проснется мужество?

– Все будет хорошо, – еще раз повторила Алиса, и Владик ей даже почти поверил.

Глава 3

Денек выдался морозным, солнечным и безветренным. Цент любил такую погоду. Вымерший поселок казался особенно живописным на фоне ослепительно-голубого неба, а гробовая тишина, повисшая над миром, приятно дополняла идиллическую картину.

Именно в такую прекрасную погоду Центу особенно нравилось заниматься мародерством.

В самом процессе присвоения чужой собственности, в силу великолепного стечения обстоятельств ставшей ничейной, Цент видел не только практическую пользу, но и глубокий философский смысл. Он мог зайти в любой дом, в любой магазин, влезть в любой погреб и взять все, что пожелает. Тем самым, весь мир как бы платил ему дань, притом не за что-то, а просто так, из одного только огромного уважения к самому факту существования Цента.

Впрочем, справедливости ради нужно отметить, что Цент частенько тосковал по лохам. Зайти, взять – оно, конечно, просто и легко, но что может сравниться с разводом какого-нибудь лоха на бабки и имущество? Запугать лоха, ввергнуть его в невыносимый ужас, лишить его тени надежды на благополучный исход, отнять у него все – как же это приятно! Всякий раз, ставя очередного клиента на счетчик, Цент чувствовал себя высшим существом, сверхчеловеком. Большую радость могло принести только насильственное пробуждение щедрости в жадных коммерсантах. Дорого бы он отдал за возможность попытаться паяльником хозяина магазина или владельца сети пивных ларьков. На безрыбье сгодился бы и перекупщик, толкающий на базаре турецкие спортивные костюмы, сшитые таджиками в подвале соседнего дома.

Не то чтобы Цент был садистом, но он редко упускал возможность сделать людям мучительно больно. Особенно, если они того заслуживали. А они ведь непрерывно заслуживали. Иногда, правда, не удавалось распознать плохого человека с первого взгляда, но Цент все равно докапывался до истинной сути собеседника. Вот хотя бы взять последнюю встреченную ими группу. Эти трое вначале показались Центу хорошими ребятами, у них даже оказались сухие сливки и сигары. Но зло на то и зло, что всегда вылезет наружу. Вот и эти трое, начали за здоровье, а потом как понесли невыносимую ересь. И про возрождение порядка, и про красоту стабильности, и про какую-то цивилизацию. Где тут было удержаться и не воздать по заслугам? Ну, Цент и воздал. Еще бы спасибо сказали, что легко отделались, потому что за такие разговоры легкая смерть – половина помилования. За такое надо язык с корнем выдергивать и в одной интересное место засовывать. Нет, вначале все-таки засовывать, а уж потом выдергивать, так лучше.

В общем, получили ироды по делам, но удовольствие от совершенного благодеяния традиционно испортил Владик, закативший истерику на ровном месте. Наверное, в тот момент у Цента и дозрело решение избавиться от программиста.

О, это решение зрело в нем давно. Оно зародилось в тот самый миг, когда он увидел Владика впервые, и с тех пор лишь крепло и усиливалось. Вначале, конечно, хотелось удалить Владика из своей жизни старым добрым способом, каковой был весьма в ходу в благословенные девяностые, но со временем Цент пересмотрел свою точку зрения на этот счет. Убить Владика просто так, после всего того, что он сделал (жил, дышал, был программистом и так далее), было бы непозволительным милосердием. Ну а ввергнуть его в пучину предсмертных мук он не мог, потому что Машка начала бы заступаться за убогого, и испортила бы все веселье. Так что Цент, пораскинув разумом, принял вполне компромиссное решение. Он замыслил избавиться от Владика, и одновременно помучить его, пусть и не своими руками. Изверг прекрасно знал, что в одиночку программист долго не протянет, а то краткое время, что он все же промучается, пока его не съедят зомби, будет наполнено ужасом и стараниями. Это было изящное решение, и убедить Машку оказалось несложно. Та вначале, как и ожидалось, была категори-

чески против изгнания геймера из семьи, потому что материнский инстинкт не позволял ей бросить вечное дитяtko, но коварный Цент знал, на что надавить.

Машка была молода, хороша собой и хотела того же, чего хотят все девушки ее возраста – успешно выйти замуж. Произошедший зомби-апокалипсис сделал эту задачу чрезвычайно трудной, поскольку почти всех щедрых и состоятельных господ за сорок либо съели, либо те сами стали живыми мертвецами, но Машка не теряла надежды на женское счастье. Вот в это-то болезненное место Цент и ударил. Стал он хитрейшим образом намекать девушке, что даже и встретить она суженого своего, не видать ей хэппи-энда как своих ушей, поскольку Владик всех женихов в момент распугает.

– Ты посмотри на него, – втолковывал Цент. – Это же ужас. А ведь по нему и о тебе судить будут, ведь мы же все, вроде как, в одной компании.

– Но вот так просто прогнать, это же жестоко, – вяло возражала Машка, хотя видно было, что в глубине души она уже согласна.

– Да в чем жестокость-то? – недоумевал Цент. – В чем она? Ведь он не какой-то неполноценный, не инвалид, не ребенок. Взрослый мужик. И вообще, где написано, что мы с ним нянчиться должны?

Поскольку такого нигде написано не было, Машка беспомощно пожала плечами.

– А жениха встретишь, – напирал Цент, – так что же, очкарика с собой в семью возьмешь? Он у вас вместо ребеночка будет?

– Нет, что ты, – смутилась Машка.

– А куда его девать? На меня оставишь? Ты ведь знаешь, что тогда будет.

Машка знала. Цент почти каждый день озвучивал свои кровожадные планы касательно Владика, а в последнее время зашел еще дальше. Завел блокнот, ручку, и на привалах постоянно что-то туда записывал, время от времени поглядывая на программиста. Поскольку Цент был не из тех, кто ведет дневники или строчит мемуары, Машка справедливо решила, что тот записывает все придуманные для программиста терзания, чтобы затем, в один прекрасный день, воплотить их в жизнь. Впрочем, одним прекрасным днем дело явно не собиралось ограничиваться, ведь Цент уже исписал весь блокнот и принялся за второй.

То есть, выбор перед Машкой встал вполне конкретный: либо оставить Владика в коллективе, пожертвовав ради него своим семейным счастьем, либо спасти его от невыносимых терзаний в будущем, изгнав прямо сейчас.

– Владик не такой беспомощный, каким кажется, – заметила она. – Я уверена, что он выживет в одиночку.

– Я в этом не сомневаюсь! – согласился Цент.

Решение было принято большинством голосов, и от соблюдения всех демократических норм на душе стало еще веселее.

Машка, правда, выдвинула одно условие, от которого твердо решила не отступаться. Бросив Владика, они должны были оставить ему одежду, оружие и запас провизии, да и вообще все необходимое для выживания. Цент, не колеблясь, согласился. Он даже до последнего момента верил, что так и поступит, но когда пробил час расставания, как будто опомнился. Делиться с Владиком чем-либо до такой степени не захотелось, что он в итоге оставил тому только его неподъемную булаву да теплый шарф. Притом о шарфе до сих пор сильно жалел.

Машка, разумеется, прознала о том, что он слегка нарушил условия изгнания Владика, но менять что-то было уже поздно. Дело было сделано. И, по прикидкам Цента, программиста уже давно должны были съесть мертвецы. Впрочем, не исключался и иной итог – Владик мог остаться на развалинах колхоза и тупо замерзнуть насмерть. В любом случае, это было приятно. Машка, правда, до сих пор на него дулась, но ее обида едва ли продлится долго. Было бы из-за кого горевать.

Поселок, через который они вдвоем брели уже десять минут, выглядел как-то странно. Странность, конечно, заключалась не в том, что здесь не было живых людей, и даже не в том, что количество мертвых оказалось поразительно невелико. Просто чем дальше Цент шарил по домам, тем больше убеждался, что он тут уже далеко не первый. И даже не второй. И, пожалуй, совсем не третий. Кто-то с поразительной методичностью обшарил все, что можно, и вынес все, что можно. Из еды не осталось даже чайной заварки. Все шкафы и тумбочки были нараспашку. Также безвестные мародеры не обошли своим вниманием одежду, инструменты, посуду и столовые приборы. Пропали все железные тарелки, чашки и кружки, все ложки, вилки и ножи. Из тряпок осталось лишь самое негодное, из чего и портянки-то не сделаешь. Кое-где пропала даже мебель, чего Цент уже совсем не мог понять. Ну, ладно тарелки, ладно одежда, но кому и на кой ляд теперь мог понадобиться диван? Даже если предположить, что какой-то чужак разъезжает на автобусе... ну, что же он, в автобус его поставил, что ли?

В общем, все это было как-то подозрительно. Кто-то обчистил поселок, основательно обчистил, потратив на это не один день. И у Цента непроизвольно рука тянулась к шашке, стоило ему только представить, сколько консервов и сухарей ушли мимо него по неизвестному адресу. Прощать такое, разумеется, было нельзя. Цент искренне считал, что мир отдан на разграбление ему, а всех, кто попытается заняться тем же, нужно давить на месте. Он и собирался это сделать. Не хватало еще терпеть каких-то конкурентов. Оставалось выследить наглецов и разобраться с ними по понятиям.

– Вот я их найду, вот я им боль-то причину, – рычал он, вываливаясь из очередного дома, не принесшего ему ни сухарика, ни горсточку сахара, ни даже пачки сигарет.

Машка ждала его снаружи. Она тоже была недовольна, злилась из-за Владика и своего незамужнего положения, а потому вымещала зло на мертвецах. Тех было мало, будто кто-то уже основательно зачистил от них данную территорию.

Зомби, бывший при жизни мужиком лет сорока, смешно подволакивая ноги и сильно наклонив корпус, шел на Машку с кровожадными намерениями. Девушка дождалась, когда тот почти схватит ее, и резко рубанула мечом по правой ноге мертвеца. За минувшие месяцы сил и сноровки у Машки прибавилось, так что отрубленная по колено нога осталась на месте, а зомби, потеряв равновесие, смешно шлепнулся на землю. Девушка лишь чуть отступила, чтобы он не упал на нее, но добивать не стала. Вместо этого призадумалась, чего бы ему еще отрубить.

– Ну, наигралась? – спросил сердитый Цент. – Нечего тут делать, все без нас подмели. Узнать бы кто, уж я бы им...

– Я еще не закончила, – включила стерву Машка, продолжая прохаживаться рядом с копошащимся на снегу безногим мертвецом.

– Можешь его с собой взять, – разрешил Цент. – Будет новый домашний любимец, вместо старого.

– Знаешь что, – возмущенно заговорила девушка, явно решая продолжить уже имевший место вынос мозга, в ходе которого Цент два часа вынужден был выслушивать от нее всякие гадости вперемешку с моралью, – то, что ты сделал, это просто подло. Владик был живым человеком, а ты бросил его на верную смерть. Настоящий мужчина никогда бы так не поступил.

– Да что ты знаешь о настоящих мужчинах? – презрительно фыркнул Цент.

– Да уж кое-что знаю.

– Вот бы интересно было послушать.

– А вот и расскажу. Настоящий мужчина никогда не бросит никого в беде, особенно того, кто слаб. Настоящий мужчина привык заботиться о других, в первую очередь, конечно, о своей семье, о жене, детях. И не то чтобы его кто-то к этому принуждает, просто он сам чувствует, что надо. Настоящему мужчине не надо объяснять, что жене нужно купить новую шубу, а детям...

ну, что там детям покупают. Он все сам знает. И все делает. Настоящий мужчина живет для своей жены....

– Что-что? – приподнял брови Цент.

– Для своей семьи, я хотела сказать, – поправилась Машка. – Он все делает, чтобы она была счастлива. Настоящий мужчина все несет в дом, обустроивает его, делает уютнее и комфортнее. Настоящий мужчина, он, в общем, хозяйственный....

– Да глупости ты говоришь, – перебил ее Цент.

– Почему это?

– Настоящий мужик, это мудрец, творец, воин и первопроходец, – растолковал Цент. – А хозяйственный мужик вообще не мужик, это анатомически дефективная баба.

– Что плохого, если мужчина хозяйственный? – недоумевала Машка. – Если он обустроивает жилище, тащит все в семью, заботится о детях, помогает жене с уборкой, стиркой и готовкой.

– Плохого в этом нет ничего, – вздохнул Цент, – только это уже не мужик.

– Ну, может быть в каменном веке мужчине и полагалось быть свирепым зверем, живущим только охотой, войной и рисованием картинок на стенах пещеры. А о женщине он вспоминал только тогда, когда ему хотелось секса. Но с тех пор многое изменилось.

– Да ничего не изменилось, – возразил Цент. – Настоящий мужчина всегда жил охотой, войной и рисованием картинок, а баба ему требовалась ровно на полчаса в сутки.

– Тогда что вообще хорошего в таком мужчине? – не поняла Машка.

– А кто тебе сказал, что в нем должно быть что-то для тебя хорошее? Но если уж ты спросила, то хорошее есть. Пока хозяйственный баба-мужик усердно таскал в свою приватизированную пещеру бивни мамонтов, туши бизонов, помогал жене следить за огнем и нянчился с детенышами, настоящий мужик шел вперед и осваивал новые цивилизационные пути. Все, что создано людьми, создано настоящими мужиками. Хозяйственный баба-мужик ничего не создал. Он, как и тысячи лет назад, тупо тащит в свою пещеру всякий хлам и пребывает под каблуком у самки. Он просто пользователь. Потребитель.

– Если все так, то настоящих, в твоём представлении, мужиков очень мало, – заметила Машка.

– А их никогда много и не было. Настоящий мужик нужен, чтобы что-то создать, придумать, разведать новый путь, а уж пользоваться готовым и идти по проторенной тропе может кто угодно. И настоящий мужик, не задумываясь, бросит кого и что угодно: жену, Владика, курить. Потому что настоящий мужик никому ничего не должен, ни другим, ни себе. Это ему все должны, и должники на счетчике, а он никому и ничего. И.... Хм.... Чем это пахнет?

Машка тоже принялась. Вначале ничего не замечала, а потом, как и Цент, учуяла нечто странное – запах дыма.

– Ах ты, батюшки, – засуетился Цент, перекидывая автомат со спины на грудь. – Уж не те ли нехристи, что поселок до меня обобрали, на костре мою тушенку готовят?

Машка убрала меч в ножны и взяла в руки до того прислоненную к забору винтовку.

– Давай только не будем сразу всех убивать, – шепотом попросила она Цента.

– Почему это? – удивился тот.

– Ну, мало ли. Хоть поглядим, кто там. Вдруг среди них есть красивый юноша? Я бы его себе взяла.

– Вот нам еще юношей не хватало. От одного только отделались.

– Я бы о нем заботилась, – начала самозабвенно фантазировать Машка. – Днем бы в багажнике связанным держала, а ночью....

– Тихо ты! Спугнешь ведь. Видишь, там гараж высокий?

– Ну.

– Лезь на него, займи позицию. Я низами подберусь. Постараюсь взять живыми, но если побегут, стреляй.

Машка, низко пригибаясь, беззвучно заскользила вдоль заборов, затем юркнула в калитку, и Цент потерял ее из виду. За девушку, впрочем, он не беспокоился. В отличие от Владика, та прекрасно освоилась в новом мире. На нее можно было положиться. Он не сомневался, что она и позицию правильную займет, и выстрелит, если потребуется. Но доводить до этого не хотелось. Цент жаждал заполучить расхитителей тушенки в свои руки живыми, и терзать их, терзать, терзать....

Сам он подбирался к источнику дыма садами да огородами. Впереди показался просвет – через поселок проходила трасса. Цент выглянул из своего укрытия, и увидел нечто такое, что его немного испугало. На дороге стояла целая колонна автотранспорта, в том числе обшитый листами металла автобус. Из его салона и шел дым, который они учуяли.

Понять, что эти машины появились здесь недавно, было несложно. Хотя бы по следам колес на снегу. Следовательно, на них сюда пожаловали живые люди. Вот только что случилось с ними дальше? Цент, чем дальше наблюдал, тем подмечал больше странных деталей. Например, то, что машины при остановке врезались одна в другую по системе «паровозик», а это означало, что остановка стала для них неожиданностью. Лобовое стекло головного внедорожника было явно продырявлено автоматной очередью, такие же пулевые отверстия имелись и на прочих автомобилях. Ну и дымящийся автобус тоже шел в общую копилку. Все эти приметы напоминали последствия засады. Но кто мог тормознуть целую колонну транспорта? Другая банда? Центу до сих пор не приходилось встречать таких крупных группировок, все больше одиночки да пары. Что ж, не было ничего удивительно в том, что люди стали сбиваться в стаи, это было нормальное инстинктивное поведение стадных существ. Но вот почему они тут разборки устраивают без его разрешения, следовало выяснить.

Цент осторожно вышел из укрытия и приблизился к автомобилям. Подозрения на тему засады тут же подтвердились. Дыры в стеклах автомобилей действительно были пулевыми отверстиями, а когда Цент заглянул в салон замыкающего внедорожника, то увидел на сиденье кровь. Ее было не слишком много. У Цента имелся большой опыт подобного рода (и сам попадал в засады, и сам их устраивал) так что он сразу понял, что здесь никого не убили. Скорее всего, целью нападавших было не порешить всех врагов на месте, но взять их в плен. Дальнейший осмотр места происшествия лишь подтвердил эту догадку. Ни одного тела Цент так и не нашел. Двери автомобилей были распахнуты, кое-где остались пятна крови, но такое ее количество могло вытечь из царапины или разбитого носа, а вовсе не из насквозь прошитого автоматной очередью тела.

Имелись, однако же, и странности, которые Цент объяснить не смог. Например, оружие. Оно явно принадлежало хозяевам колонны, и нападавшие не проявили к нему никакого интереса. Мало того, они не забрали даже патроны. Автоматы, пистолеты, сумки с боеприпасами – все либо валялось снаружи, либо осталось в автомобилях. Конечно, после зомби-апокалипсиса стволов и патронов к ним осталось гораздо больше, чем тех, кто мог бы ими воспользоваться, но чтобы вот так бросить то, что само пришло в руки, нужно было проявить феноменальную беспечность. А беспечные люди, как показывала практика, в наступившие суровые времена долго не жили.

Но если отсутствие интереса у нападавших к патронам еще как-то, с большой натяжкой, можно было объяснить, то огромная куча консервов в салоне автобуса просто поставила Цента в тупик. Он еще допускал мысль, что устроившие засаду люди нашли где-то огромный армейский склад оружия, но как можно было бросить тушенку, кильку в масле и, самое главное, сухарики со вкусом холодца и хрена и баночное пиво? Люди, нормальные люди, не бросили бы пиво никогда. Даже если бы у них уже было свое пиво, они все равно бы его забрали, потому

что это же пиво, а не абы что. Бросить пиво, это... Цент не мог подобрать другого определения такому дикому поступку, кроме святотатства.

Напавшие на колонну анонимы не взяли ни оружия, ни еды, ни сами машины. Даже топливо из баков, и то не слили. Вставал закономерный вопрос: ради чего была организована засада? Ради пленных? Выходило, что так. Но кому и зачем понадобились пленные?

Все это, конечно, было интересно, но Цента куда больше волновал обнаруженный запас провизии, чем судьба его бывших владельцев. Кто бы ни устроил тут разборку, они оказали ему огромную услугу, оставив нетронутыми все трофеи. Цент потер руки в предвкушении поживы. Консервы, пиво, сухарики, патроны – зря он счел этот поселок бесперспективным. Наоборот, очень даже удачно они сюда заглянули.

Выйдя из автобуса, Цент увидел Машку. Та стояла на крыше гаража во весь рост и смотрела куда-то сквозь оптику винтовки. Затем быстро опустила оружие и замахала ему руками, о чем-то предупреждая.

– Что? – крикнул Цент.

Машка указала рукой направление, после чего стала крутить руками воображаемый руль. Цент понял ее – с той стороны к ним приближался автомобиль.

– Оставайся там, – гаркнул он. – Прикроешь.

Машка услышала его, кивнула и опять залегла в укрытие. Цент сбежал с дроги, перемахнул через забор и спрятался за ним. Между металлическими листами имелась достаточно широкая щель, чтобы вести наблюдение, ну или чтобы высунуть в нее ствол автомата и устроить небольшой сюрприз. Цент уже решил, что не уступит свою добычу каким-то левым людям. Он первый сюда пришел, первый обнаружил консервы и пиво, а это значит, что по закону зомби-апокалипсиса, все это принадлежит ему. Немногие готовы соблюдать закон, наглецов хватает, поэтому лучше мочить всех заранее, чем потом горько разочаровываться в людях.

Впрочем, через минуту, когда незваные гости пожаловали, решимость Цента пролить кровь, резко пошла на убыль. Тех оказалось целое войско, шесть машин, битком набитых вооруженными людьми. Рэкетир начал подозревать, что это вернулись организаторы засады. Вначале пленных куда-то свезли, а вот теперь явились за трофеями. Немного стыдясь своей трусости, Цент решил не нарываться. Силы были неравны. Бог с ними, пусть забирают пиво и тушенку. Это, конечно, не значило, что Цент простит им этот вероломный поступок. Уж этому-то точно не бывать. Он уже набросал кое-какой план действий. Тот был несложен: выследить, где находится логово банды, и заминировать ведущую к нему дорогу. Просто и изящно. Чтобы не думали, что можно вот так взять и забрать себе консервы.

Прибывшие люди остановились метрах в пятидесяти от колонны, и тут же полезли из своих автомобилей. Их оказалось так много, что Цент пожалел о выбранной позиции. Следовало спрятаться лучше. Наблюдать отсюда удобно, но ведь могут и обнаружить. И тогда боя не избежать. Машка, конечно, прикроет, но много ли они вдвоем навоюют против такой ватаги? Впрочем, менять что-то было уже поздно. Оставалось ждать и надеяться на лучшее.

Понаехавшая банда вела себя как-то странно. Часть бойцов заняли позиции и держали на прицеле окрестные дома, другая группа не без опаски приблизилась к разбитым автомобилям. Цент услышал голоса. Переговаривались нехристи негромко, но кое-что он все-таки разобрал. Похоже, он ошибся в своих выводах, и эти люди не были авторами засады. Судя по всему, они являлись приятелями тех, кто ехал в колонне.

Вскоре это предположение подтвердилось. Вначале незнакомцы провели внимательный осмотр места происшествия, затем, не найдя ни живых, ни мертвых, затеяли бурный мозговой штурм с элементами дедукции. Они тоже обратили внимание на странности, которые до них заметил Цент. Ребята явно были сбиты с толку, и не понимали, что произошло.

– Ну, пусть бандиты, предположим, – громко говорил высокий статный парень, – но зачем? Ведь ничего же не тронут.

– Полагаются запугать? – предположил другой.

– Запугать?

– Ну, типа это послание.

– Да какое-то странное послание. Непонятно ведь ничего.

– А если они наших забрали, чтобы выкуп потребовать? – сказала подошедшая к ним невысокая женщина с короткими рыжими волосами.

– Выкуп? – удивился высокий парень. – Да что мы можем им дать помимо того, что есть тут? Оружие, еда – вот же все. А больше у нас ничего нет.

– Но зачем-то они наших забрали, – не унималась баба. – Притом живыми. Как-то это странно.

– Это еще не все, – подал голос мужик, который до этого осматривал пустые машины. – Боя не было.

– То есть?

– Стреляли только наши из машин, да и то немного. Вокруг посмотрите – нет следов сражения.

– Как же так, – мотнул головой парень, – целя группа, вооруженная до зубов, и даже толком не пыталась отбиться? Я просто ничего не понимаю.

– Может быть, нападавших было слишком много?

– Если так, то у нас большие проблемы. С такими крупными бандами мы еще не сталкивались. Нужно найти этих подонков, и скорее. Наши ребята у них, и они могут быть еще живы. Давайте все тут осмотрим, вдруг остались какие-нибудь следы.

После этого предложения надежда отсидеться в укрытии растаяла как дым. Начнут вокруг лазать, точно обнаружат. Цент решил не доводить до этого, потому что потом трудно будет убедить незнакомцев, что он не при делах, и ничего плохого не замыслил. Решил действовать на опережение, с предельной наглостью и цинизмом.

– Добрый день, – крикнул он, не высовываясь из укрытия, и правильно сделал, потому что в ответ на его вежливое поведение последовал хамский огонь из всех орудий. Верхнюю часть забора буквально сдуло свинцовым ураганом, на Цента посыпались искры и куски жести. Затем кто-то закричал:

– Прекратить огонь! Прекратить!

Успокоились герои не сразу, какой-то тормоз выпустил несколько пуль уже после того, как остальные перестали попусту переводить боеприпасы. Цент решил, что потом установит личность этого стрелка, и сделает ему чрезвычайно больно.

– Кто там? Выходи! – прозвучала команда с дороги.

– Стрелять не будете? – прикинулся напуганным Цент.

– Нет.

Доверия к этим типам не было никакого, но Цент решил рискнуть. Оставив автомат в укрытии, он медленно вышел из калитки с поднятыми руками. Десятки стволов смотрели прямо на него, рождая внизу живота неприятный и унижительный холодок. Цент скосил взгляд, пытаясь высмотреть Машку, но та слишком хорошо спряталась. Это в лучшем случае, а в худшем, могла бросить его и попросту сбежать.

– Ты кто такой? – спросил высокий парень, что был тут, похоже, за главного.

– Цент, – ответил Цент.

– Как?

– Цент. Зовут меня так.

– Ну, предположим. И где твои приятели?

Цент попытался припомнить, а где же, в самом деле, его приятели, и настроение совсем испортилось. Часть приятелей, самых лихих и бескомпромиссных, являвшихся украшением девяностых, уже давно лежала в могилах. Менее лютые чалились на нарах вплоть до зомби-

апокалипсиса, а теперь уже тоже отмучились. Ну и было несколько таких, которые потеряли остатки стыда и приспособились к временам порядка и стабильности. О них Цент даже вспоминать не хотел. Этих недостойных людей он раз и навсегда вычеркнул и из своей памяти, и из своего сердца.

– Что молчишь? – спросил парень.

– А что тут скажешь? – вздохнул Цент. – Тошно на душе. Какая бригада была! Какие дела делали! Куда оно все ушло?

– Значит, это ваших рук дело? – уточнил собеседник, имея в виду расстрелянную колонну.

– Нет, не наших, – честно ответил Цент. – Я сюда пришел за десять минут до вас.

На слово ему не поверили.

– Да взять его, и допросить с пристрастием! – вякнул какой-то мужик, злобно глядя на Цента.

– Это ты, что ли, брат собрался? – криво усмехнулся Цент.

– У меня в этой группе брат был, – зарычал мужик, хватаясь за рукоять огромного ножа, что висел у него на поясе.

– Мне на твоего брата присесть и поднатужиться, – честно объяснил ему Цент. – Да и на тебя тоже, в общем-то.

Мужик побелел от гнева и сорвался. Отшвырнул автомат, выхватил свой тесак и прежде, чем его успели остановить свои же соратники, бросился на Цента, запуская вперед себя волну словестного порожняка. Грозился убить, порезать на ленточки, надругаться в извращенной форме и далее в таком же духе. Цент даже в лице не поменялся. Стоял себе спокойно и криво улыбался. Был, разумеется, риск, но он все же верил, что Машка не из тех, кто бросит и сбежит. Прежде за ней подобного не замечалось.

Хлопок выстрела прозвучал в тот момент, когда мужика с ножом и Цент разделало шага четыре. Слава богу, Машке хватило ума выбрать такой момент, когда Цент оказался не на траектории выстрела, потому что пуля, пробив мужику голову, полетела себе дальше и проделала дырку в заборе. Тело рухнуло на снег, огромный нож подкатился к ногам Цента.

– Довожу до вашего сведения, – быстро заговорил тот, пока публика не успела отойти от потрясения, – что у меня тут восемь снайперов вокруг. Белку в глаз бьют, енота, бурундука... всех, короче, бьют, очень они злые. А уж вас, индюков, им перещелкать, что в носу поковыряться. Так что быстро оружие на землю, а сами отошли и ручки к небу.

Народ перепугался, но все еще мешкал. Цент вздохнул и скучающим тоном произнес:

– Скольких из вас нужно убить, чтобы до остальных дошло?

После этого автоматы, пистолеты и винтовки стали аккуратнo ложиться на асфальт. Похоже, олухи и впрямь решили, что вокруг сидят снайперы, которые и разобрались с их пропавшей группой.

– Отходим назад, отходим, – скомандовал обезоруженным людям Цент, с нежностью любуясь целым арсеналом. Жаль, вооружить им некого. Было бы под его началом с десятков конкретных пацанов, он бы уже миром правил. Но таковых, увы, похоже и на свете не осталось. Уцелели только вот такие лохи, что стояли трусливой толпой с поднятыми руками, и глядели на него как кролики на лиса. Вроде и оружия на себя нацепили, и оделись воинственно, и приехали большой толпой, а ничего-то им не помогло. Лох он и есть лох. Куда ему выстоять супротив крутого перца?

От осознания собственной крутости Цента отвлекло движение в одной из машин. Кто-то трусливо копошился в салоне, явно имея намерение тишком отсидеться там.

– Это кто там? – сердито спросил Цент, указывая пальцем направление. – Эй, ты, выходи живо! Считаю до... Да вообще считать не буду. Сейчас гранату кину.

Дверь автомобиля открылась, и наружу выполз Владик. Цент от неожиданности шарахнулся назад, даже глаза на всякий случай потер – побоялся, что это галлюцинация или призрак. Но нет, очи ясные не обманывали его. Перед ним стоял программист собственной невыносимой персоной, живой, здоровый, только очень бледный и интенсивно безрадостный.

– Да есть ли на тебя управа? – простонал Цент, быстро оглядывая арсенал под ногами. Затем ладонь его легла на рукоять шашки, и клинок со звоном высочил из ножен.

– Подойди! – потребовал Цент.

Владик вдруг сорвался с места и быстро побежал по дороге прочь от своего мучителя. Цент свирепо глянул на своих пленников, указал шашкой на одного из них, потом на другого, и скомандовал:

– Догнать и воротить. Живо! Не вернетесь, ваши друзья умрут жуткой смертью. Вперед!

Парни тут же бросились в погоню, которая заведомо была обречена на успех, ибо программист, преодолев сотню метров, заметно сбавил ход и начал спотыкаться. Обернувшись, и увидев преследователей, он издал страшный крик, полный ужаса и обреченности.

– Зачем вы убили наших друзей? – спросила рыжеволосая женщина, которую Цент приметил еще из укрытия.

– Я их не убивал, – рассеяно ответил Цент, весь охваченный предвкушением скорой встречи с другом Владиком.

– Но это же вы напали на их колонну.

– Да не нападаю я ни на кого. Отстань.

– А кто же это сделал?

– Я не знаю. Мне все равно.

– А что вам нужно от нас?

Центу надоел поток глупых вопросов.

– Ничего мне от вас не нужно, – проворчал он. – Что мне нужно, я сам возьму. Но если я узнаю, что вы Владика тушенкой кормили, или, не дай бог, сухарями, не ждите пощады.

В этот момент к нему подтащили вырывающегося из крепких рук Владика. Программист бился в истерике и кричал что-то про долину смертной тени.

– Здравствуй, Владик, – плотоядно улыбнулся Цент. – А я уж и не надеялся тебя встретить.

Программист вдруг обратился к пленникам, и завопил:

– Это монстр! Это чудовище! Спасайтесь! Он вас всех погубит. Он всех убивает. Он ужасен. Алиса, беги!

– Бредит, бедняжка, – виновато пожал плечами Цент. – А вы, ребята, молодцы, что его подобрали. У меня ведь вся душа изболелась за него, проказника.

– Вы знакомы? – спросила Алиса, удивленно поглядывая на бьющегося в конвульсиях Владика.

– Еще спрашиваешь! – фыркнул Цент. – Да я об этом глупыше уже полгода забочусь. Нашел его сразу после зомби-апокалипсиса. Он был чуть живой от истощения и усталости. Подобрал, обогрел, выходил. Да и мог ли бросить? Он ведь больной, один пропадет.

– Больной? – удивилась Алиса.

– Ну, на голову, – пояснил Цент. – Находит на него иногда, и тогда только связывать, иначе ноги в руки, и поминай, как звали. Вот в последний раз, когда у него приступ случился, я и не углядел. Убежал он куда-то, а я с ног сбился его искать. Думаю – ну, все, пропал Владик. Ночами спать не мог, кусок в горло не лез. Себя винил.

И Цент так талантливо всхлипнул, что поверили все, кроме Владика.

– Он все врет! – завопил программист. – Я здоров. Он меня мучил, морил голодом, заставлял зимой в кедах ходить. Сам тушенку поедом жрал, а меня луком пичкал. Я так страдал!

– Да нельзя ему тушенку, и вообще мясное, – воскликнул Цент. – И сухарики нельзя, особенно со вкусом холодца и хрена. Как поест чего-то такого, так все, сам не свой. Я ведь с врачом консультировался, он советовал его больше овощами кормить, в частности луком. А он вон как все это переврал, дескать, я его голодом морил. Ох, Владик, тяжело нынче быть добрым, и вдвойне горько получать за свои благодеяния черную неблагодарность. Но уж меня этим с праведного пути не собьешь, и если уж взялся я о ком заботиться, то буду делать это до конца.

– Нет! – завизжал Владик, который понял главное – Цент собирается и дальше над ним издеваться.

– Так вот в чем дело, – пробормотала Алиса. – А я все думала, что он какой-то странный. Одежды нормальной не было, только какие-то лохмотья, а из оружия булава богатырская, которую он и поднять-то толком не может. А когда он ел, то будто помешался: глаза стали дикие, рычал. Я еще тогда о чем-то таком подумала...

– Да ведь ночью в одном исподнем и убежал, – вздохнул Цент, с отеческой нежностью поглядывая на беспомощно рыдающего программиста. – А о булаве этой и вспоминать не хочется. Нашел в музее, вцепился, будто дите малое, а пытались отобрать – он в слезы. Говорил, что он потомок Добрыни Никитича по материнской линии. Или Ильи Муромца по отцовской – точно не помню. В общем, одна морока с ним. Но я не ропщу. Для меня, православного человека, добрые дела делать одно удовольствие. Для того и живу на свете.

Тут, словно только заметив, что собеседники стоят с поднятыми руками, Цент быстро сказал:

– Да опустите, опустите. Ну что мы, в самом деле, дикари какие-то? Я вижу, вы люди хорошие. Владика подобрали, не обидели убогонького. Времена сейчас такие, что живым с живыми по пустыкам ссориться незачем. Тебя как звать?

– Алиса, – ответила та.

– Это ты, значит, Владика нашла?

– Я.

– Спасибо тебе, солнышко. Дай обниму.

И Цент заключил Алису в объятия, окончательно сняв висевшее в воздухе напряжение. Все уже забыли об одном из своих соратников, что валялся чуть в стороне с простреленной головой, и были буквально очарованы новым знакомым. Центу и раньше говорили, что в нем пропадает великий актер, на что он обычно скромно отвечал, что и сам всегда это знал, а на сцене не кривляется по той лишь причине, что братва не поймет.

– Я Андрей, – представился парень, которого Цент принял за командира. – Значит, ты не знаешь, кто напал на наших людей.

– Сказал же уже, что нет. Сам сюда только пришел. Вон, этого балбеса искал по всей округе, уже с ног сбился.

И Цент кивком головы указал на Владика. Программист не выдержал, и снова истошно закричал. Он не понимал, что происходит, и почему его новые друзья из Цитадели дружно лишились ума. Ведь у Цента на роже было написано все уголовное прошлое, разнообразное и кровавое. Но почему-то все дружно поверили этому извергу, а не ему. И хотя Владик догадывался, что своим истеричным поведением он лишь подтверждает слова терзателя, совладать с собой было выше его сил. Стоило только подумать о том, что Цент снова рядом, и хотелось визжать и выть, а еще лучше разбежаться, и убиться головой о стену. Что угодно, лишь бы прекратить весь этот ужас.

– Вы его тушенкой или сухарями кормили? – спросил Цент.

– Кормила, – вздохнув, призналась Алиса. – Да ведь я же не знала, что ему нельзя...

– Не кори себя, – попросил ее изверг. – Ты ни в чем не виновата. Но Владика нужно связать. В таком состоянии он опасен сам для себя.

Напрасно рыдающий программист убеждал окружающих, что не болен. Напрасно доказывал, что Цент отнюдь не такой добрый самаритянин, за которого себя выдает. Его уже никто не слушал. Для них он стал припадочным душевнобольным. И когда на него надели наручники, Владиду не осталось ничего другого, кроме как смириться.

– Все будет хорошо, – пообещал ему Цент нежным голосом. – Теперь я о тебе позабочусь. Сердце Владика вынесло эту жуткую угрозу, а вот его мочевого пузыря нет.

Упрятав оклеветанного программиста в машину, бойцы Цитадели, с разрешения Цента, разобрали свое оружие.

– Твои снайперы так здорово спрятались, – признался Андрей, оглядываясь по сторонам. – Ни одного не видно.

– Да какие снайперы, – усмехнулся Цент. – Это я вас на пушку брал. Мы вдвоем странствуем... Ну, то есть втроем. Я, Владик и Машка.

– Машка? Это она стреляла?

– Да.

– А где она?

– Здесь, – ответила Машка, показываясь из-за автобуса. – Я там совсем замерзла лежать, – ответила она на немой упрек Цента, – да и это вовсе не злодеи.

Заметив, как Машка пожирает глазами Андрея, Цент лишь беспомощно вздохнул. В этого красавчика она вряд ли бы выстрелила, как в того мужика с ножиком.

– Очень приятно, Андрей, – представился парень.

Машка кокетливо захлопала смерзшимися ресницами и элегантно оперлась на винтовку.

Поняв, что иногда полезно прикинуться и хорошим, Цент принял самое активное участие в расследовании инцидента. Из всех сил он изображал горячий интерес к чужим проблемам, искренне переживал за пропавших людей, и кончилось все тем, что его возлюбили все. Однако, ни его талантливая игра, ни коллективные усилия, не дали никаких конструктивных результатов. По-прежнему было непонятно, кто и с какими целями напал на поисковую группу, и почему эти злодеи не взяли ничего, кроме пленников.

– В принципе, у такой большой банды должно быть где-то логово, – рассуждал Цент вслух. Бойцы Цитадели столпились вокруг него и внимали в уважительном молчании. – Нужно пошарить по окрестностям. Вы эти места хорошо знаете?

– Да нет тут никакого логова, – пожал плечами Алиса. – Единственное место, которое мы обходим стороной, это райцентр в тридцати километрах отсюда. Но там полно зомби.

– Почему обходите? – удивился Цент.

– Потому что один раз сунулись, так за нами по следу такая толпа мертвяков к Цитадели пришла, что насилие отбили. Стены тогда еще не были достроены, да и оружия было мало.

– А что такое Цитадель?

Центу стали объяснять, и тот чем дальше слушал, тем четче понимал, что сбылась его заветная мечта – он наконец-то нашел себе лохов.

Этот план Цент вынашивал давно, с самого начала зомби-апокалипсиса. Вдохновляясь историческими примерами, он мечтал найти организованную группу людей с налаженным бытом и поставками продовольствия, после чего назначить себя их князем. Это не означало, что Цент мечтал быть дармоедом на полном обеспечении. Князь, это не халява, это работа, и довольно опасная. Князь с дружиной (Цент обычно говорил – пахан с братвой) защищают рубежи родины, жестоко разбираются с другими претендентами на престол и позволяют простому люду (Цент обычно говорил – лохам) трудиться в поте лица своего, обеспечивая всем необходимым и себя и свою крышу. Примерно так обстояло дело в стародавние времена, веке в десятом, так же все происходило и в благословенные девяностые. Наступившие времена вновь сделали старые порядки актуальными. И Цент тут же решил, что не упустит даденую богом возможность добиться успеха в жизни. Хватит уже мотаться по бескрайним просторам родины,

разграбляя склады с консервами и отбиваясь от мертвецов. С его-то уровнем конкретности это просто несолидно, да и возраст уже не призывной. Пора подыскать себе более спокойное и подходящее занятие. Роль правителя Цента вполне устраивала. Дело оставалось за малым – взять власть. Для этого следовало всего-то попасть в Цитадель, втереться в доверие, обзавестись сторонниками и свергнуть существующий режим. А чтобы облегчить задачу, нужно въехать в крепость героем. К примеру, таким героем, который выследил напавших на поисковую группу злодеев, жестоко покарал их и вернул свободу похищенным ими людям.

– Ладно, после расскажешь, – перебил Цент Алису. – Сейчас не до этого. Наши братья и сестры томятся в лапах кровожадных негодяев. Спасти их – вот первоочередная задача, стоящая перед нами.

– Да мы с радостью, – подтвердила Алиса, и прочие бойцы, стоящие рядом, охотно закивали головами. – Только что же нам делать?

– Я скажу, что нам делать, – заявил Цент. – Мы поедем в райцентр. Чую, там злодеи и прячутся.

– Может быть, тогда вызвать из Цитадели подкрепление? – предложил Андрей.

– Не стоит, – возразил новый князь. – Поступим иначе. Отправимся на разведку небольшим отрядом, а остальные вернутся в крепость. Там соберете всех, кто может держать оружие, и будете на связи. Мы все выясним, и если окажется, что похитители прячутся в райцентре, вызовем вас по рации.

Всем очень понравился план Цента. Всем, кроме Владика. Но еще больше Владиду не понравилась новость, что изверг собирается и его взять с собой в разведку.

Помимо Машки и Владика, Цент решил взять с собой Алису и Андрея. Кое-кто из бойцов Цитадели тоже хотел поехать, но Цент возразил, объяснив им, что для разведки много народу не нужно. На самом деле он просто не слишком доверял новым знакомым, и не хотел, чтобы численный перевес оказался на их стороне.

– Ты уверен, что Владиду стоит ехать? – спросила Алиса, с тревогой поглядывая на программиста. Тому только что сообщили, что он зачислен в отряд героев, и реакция на новость оказалась бурной. Владик бился на заднем сиденье, кусал зубами ручку двери и кричал диким криком.

– Один раз потерял малыша, больше такому не бывать, – ответил ей Цент. – Под моим приглядом он в большей безопасности, чем с чужими людьми.

Ехать решили на двух автомобилях. Цент размесился в машине с Алисой и Владиком, Машка с Андреем отправились за их транспортным средством, припаркованным на другом краю поселка. Остальные бойцы занялись перегрузкой припасов из автобуса в свои автомобили. Цент наблюдал за их слаженными действиями, и в душе его поднималась волна ликования. Он и мечтать не мог обнаружить целую колонию уже организованных лохов. Не надо их дрессировать, запугивать, вычленять из коллектива диссидентский элемент, разруливать внутренние конфликты. Все это уже сделали за него. Конечно, без репрессий и показательных расправ не обойтись, иначе не будут уважать (то есть – бояться), но Цент готов был пойти на эти жертвы.

– Кто у вас главный? – спросил он Алису.

– Батя, – ответила та. – Он бывший военный, полковник. Это он организовал людей, когда все началось. И он придумал построить крепость.

– Военная диктатура, значит, – пробормотал Цент.

– Почему сразу диктатура? – обиделась собеседница. – Благодаря его решениям люди выжили.

– Это понятно. Но нужно смотреть в будущее. А оно за демократическими формами правления. Только свободные выборы делают нас людьми, тирания же загоняет в глубины пла-

новой экономики и умственного коллапса. Нужно слушать народ. Каждый должен иметь возможность участия в формировании будущего мироустройства.

Просмотр многочисленных политических ток-шоу (перед зомби-апокалипсисом их стало удручающе много) не прошел даром. Цент мог часами выдавать словестный поток подобного рода, состоящий из заученных наизусть фраз, смысла которых он, в большинстве случаев, не понимал сам. Это, впрочем, не являлось большой проблемой, потому что другие тоже его не понимали.

– Ты прав, конечно, – неуверенно проговорила Алиса, – с людьми нужно советоваться касательно принимаемых решений, но просто сейчас такие времена. . . .

– Вот только не надо все на времена списывать, – перебил ее Цент. – Времена такие, какими их делаем мы. Тоталитарная форма правления давно доказала свою экономическую несостоятельность. Отсутствие открытой конкурентной борьбы и неуважение к частной собственности, вот те геркулесовы столбы, об которые разбивается любая ладья благих намерений. Люди не подопытные звери, чтобы ставить на них социальные эксперименты. Всякая диктатура, в том числе и военная, занимается лишь тем, что лишает человека свободы. А все эти разговоры о тяжелых временах, о том, что кругом враги, просто предлог и не более. Вместо того чтобы задуматься над тем, почему все вокруг их не любят, люди начинают штамповать автоматы и водородные бомбы, надеясь вызвать любовь к себе угрозой термоядерной войны. Поверь, это не наш путь. Ваш Батя организовал людей на постройку крепости, и за это ему честь и хвала. Но каждому овощу свое время. Пора двигаться вперед. Нужны перемены. Нельзя вечно жить на военном положении.

– Так ведь война-то идет, – вздохнула Алиса.

– Война не на поле боя, война в умах человеческих, – изрек Цент с невыносимо умным видом. – Чтобы закончить войну, нужно победить идею войны.

– Да мы-то с радостью, но ведь зомби. . . .

– Зомби не вражеская армия, – растолковал Цент. – Они просто внешний фактор. Пока вы их воспринимаете как натовских агрессоров, у вас в голове война. А раз в голове война, то и в жизни война.

– Да как же их не воспринимать как агрессоров, если они нас едят?

– А так, что какие-нибудь дикари в джунглях всю жизнь так живут. Там пантеры, тигры, змеи – все их съест хотят. И ничего. Люди живут, любят, женятся, детей плодят. И не считают при этом, что у них война. Я думаю, что вам эту идею войны внушили.

– Кто? – испугалась Алиса.

– А кому война родная стихия? Военным. Если на белом свете мир, они сидят без работы. И никаких тебе премиальных, квартир и внеочередных воинских званий. Военные всегда хотят войны, а если говорят иначе, то врут. Поэтому военная диктатура самая опасная. Она разжигает войну в умах людей, и те уже не способны думать ни о чем другом. Пусть на улицах не рвутся бомбы, не звучат выстрелы, но это уже не важно, ведь в умах война идет полным ходом.

Цент замолчал, возмущенно покачал головой, и промолвил:

– Нет, так мы цивилизацию не возродим. Цивилизация основывается на мире. Свободный рынок, взаимовыгодная торговля, рост уровня жизни, сбор дани с жадных коммерсантов – вот что такое цивилизация. А война, это тупик. Это истощение ресурсов и физических сил, это оскудение умов. Это вещь пострашнее зомби-апокалипсиса. Мало выжить после конца света, нужно еще суметь остаться человеком. Я уже не говорю о спасении души, а это куда важнее простого выживания.

И Цент набожно перекрестился, пробормотав что-то вроде молитвы.

Алиса явно была под впечатлением от речей Цента и крепко над ними призадумалась. Сидящий на заднем сиденье Владик и рад бы был объяснить ей, что мнимый поборник либеральных идей на самом деле изверг и терзатель, который не любит тиранию только в том случае,

если тиран не он, но открывать рот было и страшно, и бессмысленно. Стараниями златоуста Цента люди теперь считали его ненормальным, а ненормальных, как известно, не слушают. Ну и Цент тоже тут, а этот за попытку своего разоблачения может обрушить на борца за правду бесчисленные кары. Чего доброго, придумает новую оздоровительную диету, и заставит страдальца питаться не луком, а чем-нибудь похуже. Владик, правда, не представлял себе, что может быть хуже лука, но не сомневался – Цент обязательно что-нибудь придумает.

Вскоре подъехали Машка и Андрей. Девушка разрешила кавалеру занять водительское место, а сама сидела рядом и изо всех сил источала сексуальность. Владик все это видел, и тут бы ему пострадать от ревности, но он с удивлением понял, что не может. Все доступное для страданий место в его организме с горкой заполнил Цент. И все равно на душе сделалось погано. Он ведь до последнего верил, что сумеет покорить Машку, пусть не своей привлекательной внешностью, не выдающимся умом и не великими богатствами, ну так хотя бы измором и непрерывным давлением на жалость. Но видя, как возлюбленная, словно зомби, пожирает глазами местного мачо, Владик пал духом. Больше ему не на что было надеяться. Впереди его ожидал лишь крошечный мрак. Что с того, что он нашел последний оплот цивилизации? Цент тоже его нашел. А это значило, что недолго оплоту осталось стоять.

– Едем? – спросила Алиса.

– Да, погнали, – кивнул Цент. – Наши братья и сестры томятся в плену у злодеев, мы не имеем права мешкать ни секунды.

Девушка с восхищением посмотрела на Цента, Владик безнадежно уронил голову. Наивные люди! Как они не понимают, что это не настоящий Цент. Это троянский конь. Подлинный Цент затаился глубоко внутри, под фальшивой маской добродетели. Но когда он вылезет наружу, а он вылезет, в этом не приходилось сомневаться, живые позавидуют мертвым черной завистью.

Владик всхлипнул от осознания собственного бессилия. Он не мог спасти этих людей, потому что они не желали слушать правду. Им больше нравилась сладкая ложь Цента. Все, что оставалось несчастному программисту, это смириться с судьбой и наблюдать за развитием событий. И не просто наблюдать, а принимать в них, волей изверга, самое активное участие.

Глава 4

Погода испортилась с какой-то поразительной быстротой. Не успели они доехать до места, как прежде чистое небо затянули невесть откуда взявшиеся тучи. Поднялся сильный ветер, а затем повалил снег. Алиса сбросила скорость, потому что видимость резко упала, и попросила Цента высматривать на обочине щит с названием населенного пункта.

– Не проглядеть бы, иначе влетим прямо в гущу мертвецов, – беспокоилась девушка.

– Я зоркий, замечу, – успокоил ее Цент. – Владик, ты тоже смотри.

– Я смотрю, – отозвался страдалец.

– Во-во, смотри у меня.

– Снимите наручники, – попросил Владик жалобным голосом. – Я уже успокоился.

– Твои руки из такого места произрастают, что нет разницы – связаны они или свободны, – заметил Цент. – И вообще, у тебя еще тушенка из организма не выветрилась.

– Высматривайте знак, – настойчивее повторила Алиса.

– Да посмотрим, посмотрим. Что ты мертвецов так боишься?

– Я боюсь не мертвецов, а их количества.

– Неужели их там настолько много?

– Очень много!

Цент удивленно покачал головой.

– Что у вас тут за райцентр с таким большим населением? – удивился он.

– Не знаю. Но мне кажется, что мертвецы стекаются туда нарочно.

– Да ладно, – засмеялся изверг. – Ты уж не фантазируй. Мертвецы тупые, они где сдохли, там и будут торчать, пока не появлюсь я с шашкой наголо.

И Цент многозначительно похлопал ладонью по ножнам своего оружия.

– Я сама это видела, – возразила ему Алиса. – Они действительно стягиваются в райцентр. Не знаю, что за сила влечет их туда. Иногда они идут прямо через поля, трое, четверо, а то и целая дюжина. Целенаправленно идут. Будто что-то неодолимо манит их в этот городок.

С заднего сиденья донесся дробный стук – это зубы Владика отбили похоронный марш.

– И вы никогда не пытались выяснить, что именно привлекает зомби в райцентр? – спросил Цент.

– Это слишком опасно. Да и потом, они же идут не к нам. Пускай себе скапливаются, лишь бы подальше от Цитадели.

– Не могу одобрить такой наплевательский подход, – высказал Цент свое профессиональное мнение. – Раз уж мертвецы ведут себя нетипично, с этим следует разобраться и, по возможности, пресечь. Если не обращать на проблему внимания, она сама себя не решит. Нужно.... Знак! Стой!

Алисе хватило ума не ударить по тормозам, иначе автомобиль с Машкой и Андреем неминуемо врезался бы им в зад. Но Владик все равно намочил сиденье, ибо внезапный крик Цента напугал его до потери сухости.

– Не знаю, что ты тут собрался разведывать в такую ужасную погоду, – пробормотала Алиса, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть сквозь белую пелену снегопада. – Видимость никакая. Зомби могут подобраться вплотную, а мы их не заметим.

– Не хочешь идти, не ходи, – не стал настаивать Цент. – Мы сами пойдем и спасем наших братьев и сестер. А если нам суждено принять смерть, то мы примем ее с радостью, ибо нет участи достойней, чем погибнуть, спасая своих друзей.

– Мы, это кто?

– Я и Владик.

– Нет, – в отчаянии зарыдал страсготерпец.

– Мы все пойдем, – решительно произнесла Алиса. – Так у нас больше шансов отбиться в случае нападения.

Снаружи было холодно, ветер бросал в лицо снежную крупу, а его резкие порывы едва не валили с ног.

– Не погода, а светопреставление, – ворчал Цент, силой извлекая Владика из машины. – Утром было ясно, солнечно... Откуда этот чертов буран?

– Какое оружие ты предпочитаешь? – спросила Алиса, открывая багажник.

– Только шашка пацану в степи жена, – сообщил Цент, пристегивая ножны к поясу. – Хотя, дай-ка вон тот дробовик. Что за патроны?

– Картечь.

– Неплохо. Помню, одному жадному коммерсанту сразу из двух стволов картечью в зад зарядил. Думал, патроны с солью, хотел его просто в муки ввергнуть, но перепутал тип боеприпасов. Я так скажу – немного осталось от того зада.

Делясь воспоминаниями боевой молодости, Цент рассказывал по карманам боеприпасы. Владик топтался рядом с ним, дрожал на ветру и исходил на слезы.

– Что, все же пойдем в разведку? – спросила Машка, подойдя к ним вместе с Андреем. – В такую погоду?

– Предлагаешь бросить наших похищенных друзей на произвол судьбы? – с возмущением спросил Цент. – Да есть ли у тебя сердце?

Машка не нашлась, что ответить, не столько из-за прозвучавшего обвинения, сколько в силу крайне нетипичного поведения Цента. Чтобы тот, да так беспокоился о ком-то, кроме себя, рвался спасти... И когда это пропавшие люди успели стать его друзьями? Впору было предположить, что это бывший рэкетир, а не Владик, находится в невменяемом состоянии.

– Разделимся на две группы, – предложил Цент. – Мы с Алисой и Владиком пойдем вот туда, а вы идите туда. Встречаемся здесь через два часа. И попрошу не задерживаться, потому что я еще не обедал, а время уже подходит к ужину.

– У меня в машине есть несколько шоколадных батончиков, можешь перекусить, если голоден, – предложила Алиса.

– От одной только мысли, что наши братья и сестры томятся в неволе, мне кусок в горло не лезет, – поведал Цент, однако шоколадки взял и все съел.

– Снимите с меня наручники, – упрашивал Владик, глядя на то, как изверг цинично насыщается, вполне успешно проталкивая в свое горло кусок за куском. – Не могу же я вот так идти.

– Почему? – удивился Цент.

– Ну, вдруг зомби нападут. Я бы помог вам защищаться.

От этих удивительных слов Цент едва шоколадкой не подавился. Однако, ему до того стало любопытно посмотреть на Владика-воина, что он не только снял с него наручники, но и велел Алисе вооружить программиста.

– Возьмешь свою булаву? – предложила та.

Владик нервно дернул головой. Проклятое оружие только чудом до сих пор не одарило его грыжей.

– Мне бы что-нибудь полегче, – попросил он.

– Ну, возьми топор.

– А автомат можно?

– Нет, нельзя, – ответил ему Цент. – Я бы тебе и топор не доверил, но раз уж ты так рвешься в бой, то бери. Просто очень хочется посмотреть, как ты станешь мертвецов рубить. Я этого зрелища уже полгода жду.

Машка с Андреем давно уже растворились в метели, когда отряд героев выдвинулся в путь. Алиса, немного знавшая здешние места, шла первой, периодически поднося к глазам

бинокль. Толку от него, впрочем, было мало, снег валил с такой силой, что видимость практически была нулевой.

Поселок начался внезапно, будто вынырнув из снежной пелены. Его, словно крепостной стеной, окружала частная застройка. На фоне убогих покосившихся хижин простых смердов вставали редкие двухэтажные дворцы, принадлежащие то мэру, то начальнику полиции, то главврачу районной поликлиники, то директору школы. Эти шикарные постройки, обнесенные непреодолимыми трехметровыми заборами, служили несокрушимым возражением тем, кто не верил, что страна двигалась верным курсом. Курс был верен, просто места на верхней палубе хватило не всем. Большая часть вынуждена была ютиться в темном, голодном трюме, и это в лучшем случае, потому что и за борт недолго было вылететь. И эти люди, тем не менее, с тупым упорством зомби продолжали повторять до самого конца света, что вот теперь-то у них жизнь пошла, а в девяностые был ад кромешный. Цент как слышал такие разговоры, так сразу хотел убить всех говорунов и всю их родню.

В поселке видимость улучшилась. Завывание ветра было единственным звуком, который нарушал мертвую тишину. Не было никаких следов присутствия мертвецов. Обычно в населенных пунктах они располагались в хаотичном порядке, как правило – кто где умер, тот там и терся, покуда его внимание не привлекала к себе живая двуногая добыча. Этот городок, если верить Алисе, выжившие обходили стороной, то есть, потревожить зомби было некому. В связи с этим у Цента возник естественный вопрос: где все покойники?

– Ты говорила, их тут толпы, а я вообще ни одного не вижу, – заметил он, поглядывая по сторонам. Интуиция настойчиво сигнализировала, что дело здесь нечисто. Цент не боялся мертвецов, те были тупы и не умели организовывать подлые засады и коварные ловушки. Куда больше его беспокоила перспектива встречи с живыми людьми, которые были куда опаснее любых зомби. В конце концов, не зомби же тормознули автоколонну.

– Я не знаю, в чем дело, – призналась Алиса. – Мы же тут не бываем. Только изредка наблюдаем издалека.

– Тут никого нет, пойдемте обратно, – занял Владик.

– Как это обратно? – удивился Цент. – Ты же с мертвецами рубиться хотел, даже топор для этого дела выпросил.

– Да мне уже как бы расхотелось...

– Ну, ты не торопись так вот сразу. Как расхотелось, так и снова захочется. Оно как в уборной. Надо посидеть, подождать. Потому что если поспешишь выйти, а через три минуты опять туда пойдешь, это будет выглядеть странно.

– Нет, мне точно расхотелось, – заверил Владик.

– Смотрите! – вдруг произнесла Алиса.

Цент вначале не понял, что именно так удивило соратницу, потому что мертвецов не было ни одного, ни настоящих, ни будущих, но потом он все увидел. Перед ними по улице протянулась цепочка человеческих следов, уводящая в одну из калиток. За забором поднималась высокая крыша дома, облицованного желтым кирпичом. До зомби-апокалипсиса в нем явно жил некто имущий, олигарх местного разлива, бывший в девяностые бандитом, а во времена порядка и стабильности ставший честным чиновником – самоотверженным слугой народа.

– Кто-то прошел здесь совсем недавно, – прошептала Алиса, с опаской поглядывая по сторонам. – Следы еще не успело замести снегом.

– Ну, надо выяснить, – пожал плечами Цент. – Мы для того и пришли, чтобы вершить подвиги и погрязнуть в героизме. Владик, пляши, тебе несказанно повезло.

– В чем? – возрыдал страдалец, которому за минувшие шесть месяцев повезло лишь однажды – как-то случайно нашел плитку шоколада, съел ее, и изверг этого не заметил.

– Твой топор сегодня все же напьется гноя мертвецов. Иди же, отважный воин, покажи им там всем, чего стоят программисты.

Владик поглядел на приоткрытую калитку, затем на Цента, и отрицательно затряс головой.

– Идемте все, – предложила Алиса.

– Нет, пусть Владик идет один, – настоял на своем Цент. – Доктор сказал, что ему следует развивать в себе геройские черты характера. Прописал в рецепте средней эпичности подвиги утром, в обед и вместо ужина. Владик, ты чего стоишь, а? Тебе уже рекомендации врача не указ? Почему я один о твоём здоровье должен беспокоиться, а ты только и знаешь, что демонстрируешь наплевательское к себе отношение? Так мы никогда не победим твой тяжелый недуг.

Взывать к милосердию Цента было бессмысленно, оно там и рядом не валялось, так что Владик попытался добиться заступничества у Алисы.

– Пожалуйста! – беззвучно прорыдал он, глядя девушке в глаза.

– Ну, я не знаю, – засомневалась та. – Если врач прописал...

– Прописал, прописал, – подтвердил Цент, делая Владиду разные кошмарные намеки кровожадными жестами. – Так и сказал: если не станет регулярно подвиги совершать, то единственный выход это эвтаназия оглоблей. А иначе обострение, осложнения и тогда вообще на лекарствах разоримся. Так что или иди геройствовать, или я тебя прямо здесь отмучаю.

С этими словами Цент потянул из ножен шашку. Владик, подвывая от кошмарности бытия, побежал к калитке, трусливо оглядываясь назад.

– Легче бы ты с ним, – посоветовала Алиса. – Он все же не боец, да и болен, к тому же.

– Какова болезнь, такова и терапия, – ответил Цент на прозвучавшую критику. – У меня медицина эффективная, лечу с гарантией. Как правило. Но вот этот случай стал самым тяжелым испытанием в моей многолетней практике. Уже все перепробовал, и классические методы, и народные средства, и кое-что экспериментальное, собственного изобретения. А результата нет. Но я не сдамся. Я буду бороться за Владика до конца.

– Это очень благородно с твоей стороны, – улыбнулась Алиса.

– Да, я такой, – поскромничал Цент. – Если уж взялся за кого, то на полдороги не отступлюсь. Всегда дожимаю. И очкарика дожду. Чего бы ему это ни стоило!

Владик, тем временем, подкрался к приоткрытой калитке, быстро заглянул в нее и тут же отскочил назад.

– Там все чисто, – крикнул он. – Никого нет.

– Ты в доме проверь, – посоветовал изверг.

– В доме? То есть, внутри?

– Да, да, внутри. Ты меня правильно понял.

– Но...

– Ты же понял меня, да?

Владик обреченно уронил голову. Что ж, все к тому и шло. Возлюбленная Машка нашла себе кавалера и потеряна для него навсегда, освобождение от Цента и обретение новых друзей оказалось мнимым. Не будет конца этому аду. Единственный способ прекратить свои мучения, это заодно прекратить и жизнь. Владик уже давно и активно подумывал о суициде, но ему бы хотелось осуществить это дело безболезненно, приняв, к примеру, ударную дозу снотворного. Смерть же от зубов зомби страшна и невыносима. Стоило представить, что мертвецы вопьются зубами в его хилое тело, начнут вырывать куски плоти, и ноги сразу подкашивались, а живот скручивало спазмом ужаса. Но, с другой стороны, Цент ведь занимается тем же самым – каждый божий день терзает и мучает. Тут уж не до снотворного, тут бы хоть как-нибудь счесть с жизнью свести. Но отдаться на растерзание зомби... Дали бы автомат, мог бы застрелиться. Но ведь не дали.

Весь охваченный суицидальным настроением, Владик побрел к дому. Тот был самый обычный, его внешний вид не внушал никакой угрозы. Но Владик за минувшие полгода успел уяс-

нить, что зло и опасность могут таиться в самых неожиданных местах. Например, ему до сих пор было жутко вспоминать, как они однажды залезли в здание детского сада. Взрослые зомби, это еще туда-сюда, но целая толпа зомби-малышей, уже откровенный перебор. А неохватная нянечка в залитом кровью белом халате, попытавшаяся отобедать Владиком, долго после этого являлась ему в ночных кошмарах вместе с Центом – последний там был прописан навсегда.

Следы вели к крыльцу, поднимались по ступеням и упирались во входную дверь. Судя по ним, тот, кто прошел здесь недавно, в настоящий момент находился внутри. Не смотря на заполнивший душу страх, Владик все же не мог не обратить внимания на одну странность – следы были слишком хороши для зомби. Тот, кто оставил их, шел ровной размеренной походкой, между следами были одинаковые интервалы. Мертвецы так не ходили. Тех обязательно шатало, как пьяных, и они поголовно имели привычку подволакивать нижние конечности. Походило на то, что здесь прошел живой человек. Но радоваться этому отнюдь не стоило, потому что люди в последнее время пошли такие, что могли дать мертвецам любую фору по части жестокости и кровожадности.

– Владик, нам тут долго мерзнуть? – прозвучал снаружи недовольный голос одного из таких людей. – Не май месяц-то на дворе. У тебя пять минут на осмотр и зачистку. Если что, пленных не бери, ну их.

Плюнув на все, Владик в последний раз глянул на небо, которого не было видно за пеленой снега, и вошел в дом.

Внутри было мрачно, почти темно. Свет едва пробивался сквозь пыльные шторы. Под ногами тихонько закрипел паркет, но Владик этот звук показался раскатом грома, который наверняка услышали все, кто был в доме помимо него. Тело рванулось к двери, желая унести отсюда ноги, но снаружи было ничуть не лучше. Там поджидал Цент.

Отчаянно трусая, и едва не роняя топор из неистово трясущихся рук, Владик осмотрел первый этаж. В комнатах царил относительный порядок, на кухне плохо пахло протухшей едой. Источником запаха оказалась кастрюля на газовой плите, полная какого-то супа. То есть, супом эта зловонная субстанция была полгода назад, а теперь она превратилась просто в источник смрада.

Временно забыв про страх, Владик быстро пошарил по шкафам, и ему улыбнулась удача. В закрытой железной банке из-под каких-то конфет, размалеванной цветами, елками и подзорительно улыбающимися детишками, были обнаружены сладкие сухари, целых пять штук. Владик тут же рассовал их по карманам и начал интенсивно потреблять. Оставлять что-то про запас было глупо, если Цент найдет у него запретную еду (все, кроме лука), последуют санкции и побои. Так что Владик решил подкрепиться прямо тут, а потом заесть сухари снегом.

Покончив с трапезой, он уже собрался покинуть дом, как вдруг заметил цепочку мокрых следов на полу, которую, входя, не разглядел. Теперь же, когда глаза его привыкли к полумраку, он прекрасно видел, что те вели к лестнице на второй этаж. Возник соблазн не ходить туда, а Центу соврать, что все осмотрел, но ведь изверг не поверит на слово, и обязательно пойдет проверять лично.

На втором этаже оказалось две комнаты. Одна, поменьше, была, судя по обилию игрушек, детской спальней. А когда Владик сунулся во вторую, то едва не налетел на бильярдный стол. Тот занимал большую часть помещения, так что было не совсем понятно, как играть на этом столе, если в иных местах к нему не подступиться, не говоря уж о возможности отвести кий для удара. Владик взял с пыльного зеленого сукна тяжелый шар и подбросил на ладони. Кий валялся на полу, рядом с пустой бутылкой из-под пива. Под ногами хрустнули осколки стекла, бывшего прежде стаканом.

– Слава богу, здесь никого нет, – выдохнул Владик, пытаясь засунуть бильярдный шар себе в карман.

Он поднял взгляд и обмер. Потому что у дальней стены, почти растворяясь во мраке, стояла человеческая фигура, черная и жуткая.

Наверное, если бы зомби бросился на него с рычанием и попытался загрызть, он и то внушил бы меньше ужаса, чем вот так, стоя неподвижно и не издавая ни звука. Страх обрушился на Владика как цунами. Мочевой пузырь едва не лопнул в трех местах, кишечник скрутил такой свирепый спазм, что Владик не добежал раньше, чем успел понять, что бежать уже пора. Шар выпал из ослабевших пальцев, грохнулся на паркет и покатился по полу. Вслед за ним библейским потопом растекался водоем, эпицентром которого оказался программист. Владик распахнул рот, но страх железной хваткой вцепился в горло и придушил не успевший родиться вопль. Нужно было кричать, бежать, спастись, а он стоял в луже, таращил глаза и беззвучно хлопал ртом.

А затем прозвучал голос. Чужой голос. Глухой, низкий, какой-то безжизненный и нечеловеческий.

– Я знал, что ты придешь. Я тебя ждал.

Эти слова не сразу дошли до мозга Владика. Еще больше времени ушло на то, чтобы вспомнить – зомби не говорят. Хрен, разумеется, был не слаще редьки, ведь у живых людей фантазия куда богаче, чем у мертвецов, и если последние могут только съесть заживо, то люди способны на большее. Тому примером был Цент, истязатель милостью божьей.

Зловещая фигура шагнула вперед, и теперь Владик смог рассмотреть незнакомца. Тот был одет в черный плащ до пола, его голову скрывал капюшон. Лица видно не было, на его месте зияла жуткая чернота.

– Ты тот, кто должен был прийти? – спросил неизвестный.

Владик попытался взять себя в руки, но не смог. Его колотило все сильнее, источаемый им резкий запах отваги заполнил все помещение.

– Почему ты молчишь? – удивился незнакомец. – Ты ведь живой человек? Живые говорят.

На самом деле Владик был не живой, а чуть живой. Он вновь открыл рот, но оттуда прозвучал только сдавленный писк.

– Наверное, ты не он, – с оттенком сожаления произнес черный. – Я ошибся.

Ничего не изменилось, но Владик всем своим трусливым нутром почувствовал, что если он срочно что-то не предпримет, то произойдет нечто ужасное. Притом это ужасное произойдет именно с ним.

– Я тот самый, – выдавил он из себя, стараясь не выдавить ничего помимо этого.

– Да? – обрадовался черный. – Я знал! Мне было видение.

– Мне тоже, – соврал Владик.

Странно, но обретя дар речи, он одновременно вернул контроль над своим телом. Теперь можно было бежать. Ну, то есть, можно было попытаться это сделать. Но дверь за его спиной была закрыта, и на то, чтобы ее распахнуть, потребуется время. Если у незнакомца есть пистолет, он успеет убить не оправдавшего надежды визитера прежде, чем тот выскочит из комнаты. Не оставалось ничего другого, кроме как подыгрывать этому ненормальному, и надеяться, что Цент, возмущенный долгим отсутствием своего мальчика для битья, отправится на его поиски.

– Правда? – оживился незнакомец. – Тебе было видение?

– Ну, да, было, – подтвердил Владик. Руку с топором он осторожно завел за спину, ибо совсем не желал провоцировать психа в черном плаще. Но если тот полезет кусаться или целоваться (кто их знает, этих ненормальных?), Владик хотел иметь хотя бы один козырь в своей колоде. Он, правда, не был уверен, что сможет ударить человека топором, но ведь под угрозой насильственной смерти даже в последнем трусе может проснуться храбрость. В это, во всяком случае, хотелось верить.

– Это хорошо, – обрадовался черный. – Значит, я не ошибся. Как тебя зовут, избранный?

– Владик, – представился Владик. – А вас?

– Легион, – глухо ответил субъект.

– Как?

– Легион. Потому что нас много.

– Кого много?

Незнакомец замер, и хотя Владик не видел его лица, он мог поклясться, что тот пристально смотрит на него. Программист понял, что ляпнул что-то не то.

– Ты точно избранный? – недоверчиво спросил Легион.

– Да, да, я тот самый и есть, – горячо подтвердил Владик. – Я очень-очень избранный.

– Тогда ты должен знать, зачем судьба привела тебя сюда.

– Ну, я только в общих чертах знаю, – заюлил Владик, – мне подробностей не сообщили.

– Ты должен положить конец войне.

– Войне? Какой войне?

– Да, верно, – согласился Легион. – Это не война. То, что происходит, было бы правильно назвать истреблением или геноцидом.

– Простите, о чем вы, все-таки, говорите? – жалобно спросил Владик.

– Нам незачем враждовать, – проговорил Легион тихо. – Мы можем договориться. Нынешний хаос не идет на пользу живым людям. Я предлагаю вместо него порядок.

– Кто вы? – пропищал Владик. Только-только он взял себя в руки, и тут вновь почувствовал, как страх пропитывает каждую клеточку его несчастного организма. Незнакомец почему-то говорил так, будто не причислял себя к людям. Тогда что же он?

Легион шагнул прямо к нему, остановился в полуметре и протянул руку к лицу. Только теперь Владик заметил, что то сокрыто какой-то черной маской с узкими прорезями для глаз и едва заметным холмиком носа. Программист заранее знал, что ему не понравится то, что он и увидел, и не ошибся. Потому что под маской оказалось лицо зомби – обтянутый желтой кожей череп с черными провалами пустых глазниц, и жутким оскалом гнилых зубов. Почему-то у мертвецов полностью выгнивали именно глазные яблоки и губы, в то время как иные ткани тела неплохо сохранялись.

– Господи! – простонал Владик, пятясь назад.

– Не бойся, – произнес мертвец. – Я не причиню тебе вреда.

– Вы... Вы...

– Мертв? Да, это так. Я мертв. Ты жив. Но разве это мешает нам общаться мирно, не кидаясь друг на друга?

– Я вообще за мир во всем мире, – признался Владик. Он даже не знал, какое чувство доминирует в его организме в настоящий момент, страх или изумление. На обычных мертвецов он насмотрелся вдоволь, пусть и не на таком близком расстоянии, но говорящий мертвец, да еще и разумный, к тому же, это было что-то невыносимое.

– Но как это возможно? – нашел в себе силы спросить программист. – Я никогда не видел раньше разумных мертвецов....

Он осекся, вдруг осознав, что термин «мертвец» может идти вразрез с политкорректностью и оскорбить чувства собеседника. Но Легион, похоже, не обиделся на такое обращение.

– Что ж, ты прав, – признал он. – С точки зрения живого человека мертвецы не обладают разумом. Но так кажется лишь потому, что люди меряют нас, как и все вокруг, по себе. Вы не допускаете мысли, что возможны и иные формы разумности.

– Иные? – удивился Владик. Сам он всегда считал, что разумность одна на всех, и она либо есть, либо ее нет. Впрочем, возможно, в словах Легиона была своя правда. Например, Владiku очень трудно было поверить в то, что он так же разумен, как маргинальные субъекты от двенадцати до семидесяти, что сутки напролет торчали в подъездах, поглощая пиво, куря сигареты и орошая стены уриной.

– У живого человека индивидуальный тип разумности, – пояснил Легион. – При всей своей зависимости от социума, вы можете сохранять разум даже в отрыве от него. Мы, мертвецы, устроены иначе. Наш разум создается коллективным усилием множества индивидуумов, каждый из которых в отдельности вряд ли может считаться разумным существом.

– Коллективный разум, – прошептал Владик, который слышал о чем-то подобном.

– Можно и так сказать.

– Значит, вы все, это как бы единое целое, да?

– Мы все, это я. Коллективный разум создает коллективную личность. Одну. Двух быть не может, это уже шизофрения.

– Но я все равно не понимаю. Почему мы не сталкивались с этим раньше? Я видел столько мертвецов, и ни один из них даже не пытался заговорить. Наоборот, вели они себя...

– Я объясню, – прервал его Легион. – Для того чтобы сформировать коллективную личность, нужен центр. Точка, которая сконцентрирует в себе интеллектуальный потенциал множества мертвецов. Этой точкой не может быть кто угодно, тут нужен особый мертвец. Без такого мертвеца зомби, сколь бы много их ни было, останутся просто тупой толпой, алчущей лишь человеческой плоти. Этот особый мертвец что-то вроде матки у насекомых, вокруг которой формируется социум, хотя сравнение здесь не совсем точное. Мне трудно объяснить весь этот механизм, я еще сам не до конца его понимаю.

– Но что это за мертвец? – возбужденно спросил Владик. – В чем его особенность? Он какой-то иной?

– О, да, – ответил Легион, и прозвучало это с гордостью.

– А где он находится?

– Этого я не могу тебе сказать. Прости, но я еще не доверяю тебе настолько, чтобы открывничать о таких вещах. Но я надеюсь, что до этого недалеко. Если ты действительно избранный, если хочешь прекратить войну и восстановить порядок и мирную жизнь, мы обречены на то, чтобы быть союзниками. Потому что я хочу того же самого.

– Да я за порядок руками и ногами, – всхлипнув, заверил Легиона Владик. – Знали бы вы, как плохо мне живется. Этот садист совсем умучил: луком кормит, унижает морально, диагнозы ставит психические. Разве я заслужил все это? И ведь некому пожаловаться, потому что порядка нет. Каждый упырь что хочет, то и делает. У кого кулаки больше, тот и прав. Разве это справедливо?

– Нет, – мотнул головой Легион. – Сильные должны защищать слабых, и никто не должен страдать из-за того, что у него маленькие кулаки.

– Господи, как вы меня понимаете! – всхлипнул Владик, и едва не полез к Легиону обниматься. – Знаете, так приятно наконец-то встретить родственную душу. Ведь там, – он махнул рукой в сторону окна, – одни изверги бездушные.

– Вместе мы положим конец хаосу и произволу, – пообещал Легион. – Ты со мной, избранный?

– Да! – почти выкрикнул Владик. – Я с вами! Я готов. Скажите, что мне делать, чтобы скорее наступил порядок?

– Скажу. Но не здесь и не сейчас. Твои друзья уже идут сюда, и я подозреваю, что они окажутся не такими открытыми для общения с мертвецом, как ты. Поэтому слушай внимательно. К югу от Цитадели есть старая железнодорожная станция. Я буду ждать тебя на втором этаже, в комнате с крестом на двери. Приходи туда, и мы обо всем поговорим.

– Станция, дверь, крест, – повторил Владик, чтобы не забыть. – Когда прийти?

– В любое время. Я буду ждать.

Владик услышал шаги на лестнице и сердитый голос Цента. Изверг возмущался, что есть же на свете люди, которых только за смертью посылать, и тут же скатывался на угрозы, обещая

применить к Владiku новые лечебные процедуры, такие, как лоботомия ржавой арматурой и анальное зондирование фановой трубой с разбега.

– Вам нужно уходить, – прошептал Владик Легиону. – Если они вас увидят, то убьют.

– За меня не беспокойся, – сказал новый друг. – Я жду тебя на станции. До встречи, избранный.

После этих слов мертвец лег на пол, раскинул руки и замер. Владик шагнул к нему и тихо позвал:

– Легион?

Ему никто не ответил.

Дверь с грохотом распахнулась, в помещение ворвался Цент с шашкой наголо.

– Нет, ну ты погляди! – вскричал он возмущенно. – Я там стою, волнуясь, а он в бильярд играет. Не совестно?

Следом за Центом в комнату вошла Алиса и тут же направилась к распростертому на полу мертвецу.

– Что с ним? Он не шевелился? – спросила она у Владика.

– Нет, нет, – быстро ответил тот. – Он мертвый. Ну, то есть, по-настоящему мертвый.

– А какого же черта ты тут делал? – потребовал отчета Цент. – Я же....

Тут его свирепый взгляд упал на грудь Владика.

– Это что, хлебные крошки? – прорычал изверг.

Владик трусливо икнул. Сухарики-то он поел, а вот крошки с одежды стряхнуть забыл. Не до того было, столько всего произошло. И, возможно, рассказ о говорящем мертвце послужил бы ему оправданием, но Владик заранее решил, что никому ничего не скажет. Особенно Центу. Потому что этот враг порядка и борец с цивилизованным образом жизни без малейших колебаний уничтожит любой шанс наладить нормальную жизнь. Его ведь вполне устраивает существующий порядок вещей, он в этом аду как дома. Да и обитатели Цитадели вряд ли готовы услышать что-то о мире и дружбе между людьми и мертвецами. За такие разговоры могут и убить. Или точно решат, что ненормальный.

– Владик, ты же знаешь, что тебе нельзя кушать мучное, – втолковывал ему Цент, незаметно для Алисы выкручивая страдальцу ухо. Несчастный заскулил от боли и заплакал в луже.

– Тут никого нет, – вздохнула Алиса. – Идемте дальше. Поселок большой.

– Столько времени потеряли из-за этого балбеса! – в сердцах бросил Цент, выталкивая программиста из комнаты. – Наши братья и сестры томятся в застенках, а он шары гоняет.

Впрочем, если братья и сестры где-то и томились, то точно не в этом населенном пункте. За время зомби-апокалипсиса Цент успел насмотреться всякого. Видел, как мертвые люди едят живых, видел, как живые люди едят живых, видел, как живой мужик совокупляется с мертвой бабой и получает огромное удовольствие. Но он впервые наблюдал поселок, полностью лишенный бродящих по нему зомби. Тех не было совсем. Ни одного. Ветер гнал снег и мусор по пустым улицам, но по ним не бродили тухлые граждане, одержимые жаждой человечины. Двери брошенных домов были распахнуты настежь, но внутри не таились зубастые кадавры, только и ждущие, чтобы какой-нибудь теплый, вкусный и свежий человек забрел к ним в гости. Да и чутье, которому Цент привык доверять, не подавало никаких тревожных сигналов. Поселок был чист и безопасен.

– Ты, наверное, пошутила, когда сказала, что тут зомби пасутся стадами, – произнес Цент, обращаясь к Алисе. Прозвучало это как претензия покупателя, которого на кассе обсчитали на пять копеек. В сущности, это и была претензия. Цент уже давно, дня полтора примерно, не устраивал мертвецам геноцид, из-за чего ощущал некоторый дискомфорт. Да и выбиться в герои Цитадели можно было только через спасение похищенных бойцов. Но в этом городке некого было ни спасать, ни убивать.

– Ничего не понимаю, – растерялась Алиса. – Неделю назад я сама наблюдала за этим местом в бинокль, и видела толпы мертвецов.

– Ну и где они?

– Не знаю. Возможно, ушли.

– Зомби тебе не птички, чтобы осенью на юг улетать, – проворчал Цент. – Чтобы согнать с места тысячи этих тварей, нужно очень постараться.

– И что же нам делать? – спросила Алиса, с надеждой глядя на Цента.

– Я скажу, что нам делать, – возвестил изверг. – Наши братья и сестры томятся где-то в другом месте, но настоящий герой подвиг везде найдет. Вон, смотрите, магазин почти целый.

Возможно, Алису и удивило, что новый знакомый, только что твердивший о спасении братьев и сестер, без которого кусок не лезет ему в глотку, мгновенно переключился на мародерство в личных интересах, но она воздержалась от комментариев. Владик, напротив, ничуть не удивился. Он-то знал, с кем имеет дело. Цент, заботящийся о каких-то там похищенных людях, это был не Цент. И даже Цент, вперед всех ломящийся в продуктовый магазин, дабы застолбить самое вкусное, тоже не настоящий Цент. Настоящий Цент, он другой. И Владик молил бога, чтобы обитателям Цитадели не довелось увидеть его истинное лицо, ибо не было зрелища кошмарнее на всем белом свете.

На самом деле, Владик провел немало часов, размышляя о природе Цента. Это была заведомо безнадежная попытка понять то, что находилось за гранью всякого понимания. Как Цент стал таким, каким стал? Был ли он в детстве обычным ребенком, или уже родился извергом? Владик гадал, могла ли какая-нибудь тяжелая психологическая травма превратить нормального человека в монстра. И если могла, то какая?

Вначале он думал, что все дело в лихих девяностых. О них Владик знал мало, в основном то, что говорили с экрана телевизора. А говорили одно и то же: кошмарное, ужасное время, время хаоса, жестокости и ужаса. При этом все проблемы современности с чистой совестью валили на девяностые, дескать, это из-за них все менты взяточники, а чиновники воры, худшая в мире медицина и худшее во вселенной образование. И чем дальше в прошлое уходили девяностые, тем больше и активнее на них валили. А чем больше валили, тем больше чернили тот исторический период, так что в итоге получилось что-то запредельно ужасное. Владик всерьез считал, что в девяностые на улицах кучами валялись тела умерших от голода людей, во дворах, парках и на площадях шли бои бандитских группировок с применением чуть ли не ядерного оружия, а у власти находились вообще не люди, а восставшие из ада черти рогатые. Тот факт, что он и сам жил в девяностые, Владик не то что не брал в расчет, а как будто забыл. В девяностые прошло его детство, и о нем у программиста остались пусть и не всегда светлые, но вполне терпимые воспоминания. Он не пух от голода, и вообще питался точно так же, как и затем, во времена порядка и стабильности, ему не приходилось сутками сидеть в бомбоубежище, спасаясь от бандитских разборок. Но могучий информационный поток, льющийся со всех экранов и звучащий из каждого динамика, словно расколол прошлое надвое. По одну сторону оказались его личные воспоминания, по другую – та версия истории, которую ему внушили поборники порядка и стабильности. Владик просто не мог соединить эти два берега воедино, и всегда думал о них как о разных вещах, никак между собой не связанных. В его личных воспоминаниях девяностые были временем не лучше и не хуже любого другого, со своими плюсами и минусами. А во внедренной версии прошлого девяностые представляли адом крошечным, на фоне которого даже зомби-апокалипсис отнюдь не выглядел трагедией. И именно оттуда и был родом Цент.

Тут, конечно же, возникало противоречие, которое Владик обязательно увидел бы сразу, не будь у него в голове двух версий прошлого. Заключалось оно в том, что через девяностые прошли все, ну, разве что кроме тех, кто родился уже в счастливые времена порядка и стабильности. Даже он сам был родом из девяностых, как и его родители, друзья, соседи, все, кого он

знал и видел. Тем не менее, никто из них не превратился в чудовище. Ангелов, конечно, тоже не встречалось, но концентрация фекальной массы в их организмах была недостаточна, чтобы превысить критическую массу. Все эти люди прошли через те девяностые, которые Владик помнил сам, и в которых не было ничего ужасного. А вот Цент, он явно побывал в каких-то иных девяностых.

Было очевидно, что двух правдивых версий истории быть не может, а посему одна из них ложная. И это как минимум, потому что ложными могут быть и обе. Своим воспоминаниям Владик доверял чуть больше, чем телевизионным вещателям правды, так что было логично предположить, что девяностые ужаса и хаоса, девяностые, породившие Цента, имеют с реальностью мало общего. Скорее, это миф. Но вот вопрос – может ли миф породить реального монстра? И чем становится миф, если достаточное количество людей начнет считать его правдой?

Тут Владик с трепетом осознал, что он, похоже, вплотную приблизился к пониманию природы Цента. Изверг имел не биологическое, но мистическое происхождение. Вера миллионов людей в кошмарные девяностые сделала их настолько реальными, что те, в свою очередь, сумели исторгнуть в материальный мир нечто из плоти и крови. Каждодневный гипноз населения на тему «в девяностые было ужасно» привел к тому, что в головах людских произошел катаклизм. Память раскололась надвое, на реальную и внедренную. Но самое ужасное заключалось в том, что люди искренне верили в оба варианта прошлого. А поверив, они сделали их реальными.

Так вот откуда вылез Цент. Не из настоящих девяностых, реального исторического периода государства, а из миража, который усилиями многих некритически мыслящих умов обрел великую силу. Люди создали ад, чтобы на его фоне ощутить себя в раю, но они забыли о том, что из ада время от времени восстают. Все плохое, что списывалось на девяностые, списывалось на Цента, и он как губка впитал в себя все пороки и все грехи.

Этот вывод подтверждал то, что Владик знал и прежде – Цент не человек. Только раньше он считал его просто свиньей огромной и извергом садистским, а теперь понял, что все гораздо страшнее. Перед ними было само зло. И напрасно немногие выжившие после зомби-апокалипсиса думали, что худшее уже позади, и теперь можно будет что-то наладить и восстановить. Четыре всадника апокалипсиса пронесли по миру, но это было далеко не конец шоу. Потому что следом за ними, чуть приотстав, ехал на белом мерине пятый всадник, огромный злой бугай в малиновом пиджаке, с золотой цепью на шее и с бейсбольной битой в руке. Имя ему – Беспредел. И он тут, похоже, надолго.

Страшное открытие так потрясло Владика, что он вздрогнул, и едва не уронил банки с консервами, которые нагружал на него Цент. Пятый всадник апокалипсиса сурово нахмурился, и проворчал:

– Хватит в облаках витать! Вечно ты какой-то мечтательный, будто девка глупая. О чем грезишь хоть? О Машке, небось?

– Да нет, я просто....

– И правильно делаешь. О Машке тебе нечего и мечтать. Она мне тут как-то призналась, что даже если бы ты был последним мужчиной на земле, то и тогда бы тебе ничего не перепало.

Владик воспринял это известие практически безразлично. Цент ведь мог и соврать, а даже если и нет, что это меняло? Машке он не нравился, то было очевидно.

Все трое залезли в магазин, где выяснили, что до них тут толком никто не побывал. Внутри стоял нехороший запах капитально испортившейся пищи, но никто не обратил на это внимания. Тут же устремились к прилавку с консервами, и возрадовались. Те остались нетронутыми даже на витрине, а это означало, что и складские помещения не подверглись разграблению. Так и вышло. Вид коробок, плотно набитых железными банками с едой, переполнил сердце Цента великой радостью. Кажется, он совсем забыл о томлящихся в неволе братьях и сестрах, и всецело отдался грабежу. Вначале попытался навьючить Владика, и заставить того

таскать припасы к машине, затем вдруг понял, что подогнать транспорт к магазину будет проще и быстрее. Идти за машиной самому было нельзя, поскольку Цент боялся оставлять консервы без присмотра.

– Алиса, дай очкарику ключи, пусть тачку подгонит, – попросил он.

– Ты хочешь все забрать? – спросила девушка.

– Конечно!

– Но зачем? То есть, я хочу сказать, что позже сюда можно прислать поисковую группу, они все загрузят и доставят в Цитадель. Это их работа.

Цента поразила глупость новой знакомой. Как не понять, что поисковая группа привезет припасы для всех, в то время как загруженные в личный транспорт, они останутся собственностью узкого круга лиц? В связи с этим, Центом овладело некоторое беспокойство. Уж не коммунизм ли процветает в Цитадели? И если да, то стоит ли там оставаться? Что такое коммунизм, он помнил хорошо, благо застал его уже в сознательном возрасте. Коммунизм означал нищету, пустые полки магазинов, плохие и скудные пайки по талонам, отвратительную одежду, тачки и бытовую технику. И постоянные призывы потерпеть, поднатужиться и затянуть пояса ради великой цели, от которых Цента зверски тошнило всякий раз, стоило их услышать. И каковые зазвучали вновь перед зомби-апокалипсисом, когда времена порядка и стабильности затрещали по швам, как прошлогодние штаны трещат под натиском наеденного за зиму целлюлита. Цент решительно не хотел терпеть, не хотел голодать, не хотел мириться с лишениями в угоду какой-либо цели. У него была своя цель. Никаким коммунистам и никаким демократам и никаким другим мошенникам его не одурачить. Пусть они обещают сытую жизнь беспомощным лохам, а он сам себя и насытит, и обует, и оденет и к счастью приведет. А делиться с кем-то честно добытыми консервами, это не просто возмутительная несправедливость, это злостное попрание всех священных понятий. Крутой не должен делиться чем-либо с лохами, он, напротив, должен все у лохов отбирать, а самих бить и запугивать.

– Дай ключи, – повторил Цент. – А ты очкарик, чтоб как пуля. И не дай бог твой смещенный центр тупости заставит тебя заблудиться, а меня прожать лишние минуты. Ты еще не огреб за преступное поедание сдобы, так что не усугубляй свою вину. Я добрый, добрый, но за твоё здоровье могу, если надо, бороться и иными методами. Есть одна старинная тибетская практика из разряда нетрадиционной медицины. Смысл в том, чтобы причинить телу такую немислимую боль, что никакая зараза в нем оставаться не захочет. И я близок к тому, чтобы применить ее на практике. А там интересные процедуры, ей богу: иглоукальвание под ногти, прогрев внутренних органов утюгом, анальное воздействие целительным паяльником. Для особо просветленных, у кого уже третий глаз на лоб от боли вылез, используют зажим хозяйства в тиски.

Владик схватил ключи и стрелой вылетел из магазина.

– Все же ты с ним слишком суров, – заметила Алиса. – Я понимаю, ты желаешь Владиду добра, но такими методами... Не чересчур ли?

– Да и сам бы рад, – вздохнул Цент, – но ведь ты сама видишь, какой пациент попался. Диету нарушает, режим не соблюдает. Сам себе враг. Если я начну с ним лаской да добротой, он ведь в три дня себя в могилу сведет. И как мне после этого жить?

– Ну, да, ты прав, – согласилась Алиса. – Ты молодец, что так борешься за Владика. Другие бы рукой махнули, вот как на наших программистов из Цитадели.

Цент вздрогнул так сильно, что едва не пропорол себе ладонь ножом, которым вскрывал консервную банку.

– Каких еще программистов? – вкрадчиво спросил он.

– Да есть у нас двое, в крепости.

– Два программиста?

– Да.

- То есть, не считая Владика?
- Ну, с Владиком получается три.
- Три программиста....

И на лице Цента расцвела людоедская улыбка. Мучить Владика было невообразимо приятно, а если ввергнуть в бездну страданий сразу трех таких субъектов, то и позитива должно привалить в три раза больше.

– Ох, чую я, работы предстоит непочатый край, – пропел Цент, откупоривая банку и подцепляя ножом кусок скумбрии в масле. – Три программиста! И всех их предстоит вылечить. Хоть клинику открывай.

Пока Цент отдавался мечтаниям о грядущих терзаниях, Владик брел через поселок с ключами в руке, и в его мозгу зрел дерзкий план побега. Легион назначил ему встречу на железнодорожной станции в любое время, так почему бы не рвануть туда прямо сейчас и подождать мертвеца там? Просто другого шанса прибыть на встречу Владик не видел. Попади он в Цитадель, и его никто уже не выпустит оттуда просто так, а машину не дадут и подавно. Да и что там хорошего в Цитадели? Даже без Цента он, скорее всего, присоединился бы к своим собратьям по профессии, а уж с Центом....

Страдалец невольно вздрогнул. Нет, нельзя было позволить запереть себя и этого изверга в ограниченном пространстве. Точно ведь умучает. А Легион, возможно, предоставит ему защиту и убежище. Так уж вышло, что единственным, кто сохранил в своей душе остатки человечности, оказался мертвец, но это Владика не смущало. Главное, что Легион хочет восстановить порядок, возродить цивилизацию, а Цент наоборот, разрушить ее остатки до основания, а затем наслаждаться хаосом и беззаконьем.

Когда Владик добрался до автомобилей, его решимость переросла в четкий план действий. Машка с Андреем еще не вернулись. Наверняка, они были заняты вовсе не поисками плененных соратников, а кое-чем поинтереснее. Нашли какое-нибудь укромное место, и целуются себе. В лучшем случае целуются, а о худшем Владик и думать не хотел.

Машина Цента оказалась не заперта. Похоже, Машка, потеряв голову от любви, просто позабыла об этом. Владик взял коробку с тушенкой, и перенес ее в автомобиль Алисы. Затем добавил несколько пачек сухарей и бутылку минералки. Оружие брать не стал, в Алисином автомобиле его было предостаточно. Багажник представлял собой настоящий арсенал, где мирно уживались и автоматы с дробовиками, и мечи с топорами. Владик надеялся, что ему не придется ничем этим пользоваться, но все же взял самый маленький пистолет и сунул в карман. На тот случай, если столкнется с живыми врагами. Мертвых, вроде бы, опасаться не следовало, ведь они с Легионом теперь почти друзья.

Сев за руль, Владик запустил двигатель, и тут словно очнулся. Его потрясла собственная дерзость, помноженная на совершенно несвойственное ему хладнокровие. Вот так спокойно угнать чужую машину, украсть у Цента тушенку, сбежать.... Да ведь он, выходит, отчаянный парень. Храбрец! И почему это не проявилось в нем раньше? Возможно, потому, что у него не было цели, ради которой стоило бы идти на риск. Но теперь такая цель возникла. Он поможет Легиону победить хаос, восстановить порядок и войдет в историю как спаситель человечества. Еще, глядишь, памятники будут ставить, хорошо бы при жизни. И девчонок у него будет целый гарем, и Машка, все осознав, приползет на коленях просить прощения, а он еще сто раз подумает, простить ее или нет.

Владик расхрабрился настолько, что решил не ограничиваться побегом, но и как-нибудь изощренно отомстить Центу. В бардачке у Алисы нашлась ручка и тетрадь. Владик вырвал страницу и вывел на ней крупными буквами кличку ненавистного человека, а затем будто сорвался, да как пошел вываливать одно оскорбление за другим. Владик сумел остановиться только тогда, когда весь лист был исписан ругательствами разного размера и формы. Места,

разумеется, не хватило. Чтобы изложить все, что он думает о Центе, страдальцу потребовалось бы потратить годы труда и тонны бумаги.

Листок с посланием Владик бросил в салон автомобиля Цента – пускай изверг прочтет и узнает о себе правду. А сам вернулся в автомобиль Алисы, пристегнулся ремнем безопасности и тронулся с места. Погони хитрый Владик не опасался, потому что весь запас бензина из оставшейся машины перегрузил к себе, а того, что находилось в баке, хватило бы лишь на возвращение в Цитадель. Продолжающий валить снег скроет все следы, так что Цент его не найдет. А если и найдет, он будет уже под защитой Легиона. А защищать было от чего, потому что одной письменной бранью в адрес обидчика Владик не ограничился. Он отомстил Центу по-настоящему, люто отомстил, страшно. Взял флешку, хранящую весь любимый русский шансон изверга, бросил ее на землю и растоптал ногами. Вот это уже тянуло на подлинную вендетту. Ругательной надписи Цент, возможно, и читать не станет, но утрата обожаемой музыкальной коллекции, которую Владик ненавидел люто, ибо вынужден был постоянно слушать псевдо-уголовные хиты про волков, собак и несчастного мальчугана-головореза, разлученного с матерью-старушкой, заставит его страдать. О, это будет боль. Это будет мука. Владик гаденько захихикал, представляя себе, как мучитель станет рвать на голове волосы, оплакивая дискотеку девяностых. Вот-вот, пускай помучается. Не все же ему терзать и пытаться, пора и на собственной шкуре прочувствовать, что это такое.

Глава 5

– Все хорошо. Правда. Ничего страшного не случилось. Мы же не знаем точно, что произошло. А ты сразу думаешь о самом худшем.

Машка тараторила без умолка, как хорошо смазанный пулемет. При этом слова ее звучали искренне, вот только не имели к произошедшему инциденту никакого отношения. У Машки действительно все было хорошо. Она наконец-то встретила мужчину своей мечты (в мечтах, правда, он был еще красивее и к тому же богатый, но и так сойдет), у нее намечалась бурная личная жизнь. Ей не о чем было горевать. А потому каждое ее слово терзало Цента сильнее, чем воткнутая под ноготь иглолка.

– Не утешай меня, – проронил он мрачным тоном с заднего сиденья. – Не надо.

Андрей, сидящий с ним рядом, с опаской покосился на безутешного соседа. Всякое парень повидал на своем недолгом веку, но то, что он пронаблюдал двадцать минут назад, стало для него открытием, и не сказать, что приятным. Например, он никогда бы не подумал, что человек разумный может издать своим ртом такой страшный рев, что пасись поблизости какой-нибудь хищник, вроде медведя или тигра, жить бы ему дальше седовласым зайкой. А уж какая-нибудь мелочевка, вроде бурундука или белки, околела бы на месте в диких корчах. Андрей сам едва не поседел, хотя считал себя человеком не робкого десятка, и много раз в опасных ситуациях сохранял хладнокровие, чем спасал и себя, и коллектив. Но всякой храбрости положен предел. Цент сразу произвел на него впечатление человека свирепого и на многое способного, но теперь Андрей не знал, что и думать. Свирепость, это полбеда, а в иных ситуациях даже полезна, но только не первобытная дикая ярость, неистовство бешеного зверя. Прорвавшийся из-под фальшивого образа настоящий Цент откровенно напугал его. Даже взяли сомнения – а стоит ли пускать такого в Цитадель? Впрочем, это был уже решенный вопрос. Возможно, решенный излишне поспешно, но обратно не переиграешь.

– Мы ведь еще точно не знаем, что там случилось, – произнесла Алиса. – Возможно, Владика похитили те же злодеи, которые напали на нашу поисковую группу. Мне кажется, ты торопишься, обвиняя во всем его. Он может оказаться жертвой, а не преступником.

– Да, да, может, – проворчал безутешный Цент, и уставился в окно. Слушать всю эту глупую болтовню не было ни сил, ни желания. Тем более что уж он-то знал правду. Никто не похищал Владика, хотя бы потому, что на месте преступления не были ничьих следов, кроме отпечатков ног программиста. Версию летающих похитителей Цент даже не рассматривал, так что вывод напрашивался только один: Владик не жертва, Владик – злодей!

Сказать, что Цент не ждал от своего мужа для битья столь подлого удара в спину, значит, ничего не сказать. Напротив, он пребывал в уверенности, что очкарик качественно запуган, образцово выдрессирован, и ни на какую попытку побега никогда не отважится. Ведь он же целых полгода исправно терпел издевательства и унижения, и никогда не протестовал против подобного с собой обращения. Ну, то есть протестовал, конечно, но как-то не всерьез, кокетливо. Но о побеге он даже не помышлял, более того, дико боялся, что Цент прогонит его из коллектива. Что в итоге и произошло.

Теперь Цент корил себя за то, что изгнал программиста. Глоток свободы не прошел даром. Владика, похоже, понравилось жить самостоятельно, не огребая каждый день порцию садистских процедур, и не подвергаясь ежесекундным моральным унижениям. Программист взалкал воли. Но если бы только воли. Он решил обрести освобождение через бунт, и ушел красиво. У Цента до сих пор заходило сердце, стоило вспомнить, как он склонился над странным синим пятнышком на снегу, и с ужасом опознал в нем свою коллекцию шансона. А пропажа коробки с тушенкой стоила ему минимум трех лет жизни. Цент буквально физически почувствовал, что эта утрата состарила его, подорвав здоровье и веру в людей. Потрясенный веро-

ломством программиста, он даже не сразу заметил прощальную записку, оставленную неблагодарным чудовищем. Машка попыталась незаметно спрятать ее, но Цент отследил маневр и потребовал предъявить улику для ознакомления. Ну, что ж, ознакомился. Кое-что из написанного ему и прежде говорили, но и нового о себе он узнал немало. Особо же оскорбил Цента тот факт, что большую часть ругательств в его адрес Владик написал с грубыми грамматическими ошибками, что говорило о том, что программист сильно торопился. Не терпелось ему вывалить все наболевшее, высказать все, что думал о своем кормильце и заступнике. О, неблагодарный!

Когда Цент все понял и подсчитал убытки (тушенка, шансон, морально-психологическая травма), то исторг из груди своей рев звериный, чем напугал даже Машку, а уж Алиса с Андреем вовсе едва не обратились в бегство. А Цент уже бросился к машине, чтобы тотчас же пуститься в погоню, настигнуть негодяя и ввергнуть в пучины терзаний по самые уши. И тут же получил еще один удар прямо в сердце – бензина в автомобиле осталось разве что на обратный путь до Цитадели, а четыре канистры с топливом таинственным образом исчезли. То есть, ничего тут таинственного не было, их тоже украл злодей Владик.

Давненько Цент не испытывал подобного унижения. Это было что-то невыносимо невозможное, будто наплевали в душу и нагадили в самолюбие. И кто? Владик! Тот, от кого и не ожидал. Боль усиливалась пониманием того, что выследить беглого очкарика вряд ли удастся. У того полный бак бензина, плюс четыре канистры, полно еды и оружия. То есть, Владик, выбравшись на трассу, может утопить в пол педаль газа, и через час он будет уже в полутора сотнях километров отсюда. А на то, чтобы вернуться в Цитадель, заправить машину и начать погоню, уйдет не меньше двух часов. Два часа, это триста километров форы. Плюс снегопад, который надежно скроет все следы беглеца.

И тут Цент осознал, что Владика ему не догнать. А если тот не полный дурак, то и вообще никогда не найти. За сутки очкарик может умчаться за тысячу километров в произвольном направлении, а может и за две, и за три. Государственных границ больше нет, езжай куда хочешь. Не лентяй, очкарик дня через три уже будет в Европе. А дней через десять даже в Африке. Как его выследить? Как найти эту неблагодарную иголку в огромном стоге сена? Да никак.

Поняв, что обидчику, вероятно, сойдут с рук его чудовищные злодеяния, Цент не сдержался, и издал дикий крик повторно. В салоне автомобиля тот прозвучал еще громче и страшнее, Машка едва не завалила технику в кювет.

– Не переживай ты так, – осторожно попросил Андрей, со страхом поглядывая на кипящего яростью попутчика. – Ничего непоправимого не случилось.

– То-то и оно, что случилось, – сквозь зубы процедил скорбящий рэкетир.

– Это выбор Владика, – сказал Андрей. – Не удерживать же его силой.

Центу захотелось залепить этому умнику кулаком в ухо, едва сдержался. Вот еще сказал! Выбор Владика. Ага, как же! С каких пор у Владика появилось право выбора? Кто его тем правом наделил? И почему это очкарика нельзя было удерживать силой? Очень даже легко это делается. Берешь цепь, железный ошейник, приковываешь программиста к бетонному блоку, и все готово. А вот что теперь делать, это уже большой вопрос. Будь Цент не Центом, а какой-нибудь бесхарактерной размазней, он бы, возможно, смог с этим жить. Но Цент был собой, и мириться с вероломством, предательством и черной неблагодарностью, не мог и не хотел. Проглатывать обиды – удел лохов. Конкретный пацан поступает иначе – находит обидчиков, и мстит. Люто, кроваво, страшно мстит, чтобы остальным неповадно было. Образцово-показательное возмездие – лишь оно спасет честь пацана. Владика нужно добыть любой ценой, даже если на это благородное дело уйдут годы, а добыв, совершить над ним нечто немыслимое. Цент пока не знал, как покарает очкарика. Все существующие виды казней казались ему слишком гуманными, но он верил в свое творческое начало, и знал – к тому моменту, когда программист окажется в его руках, он уже придумает для него достойное возмездие.

К тому моменту, как они въехали в крепость, у Цента уже оформился некий план действий. Свое намерение выбиться в князья он отложил до лучших времен, сейчас приоритетной задачей была поимка Владика. А потому на предложение Андрея пойти и побеседовать с Батей, ответил следующим образом:

– Батя никуда не денется, можно и позже пообщаться. Сейчас нужно Владика ловить.

Все трое, и Андрей, и Алиса и даже Машка, уставились на него с безграничным удивлением. Они явно не могли взять в толк, какого лешего Цент так прицепился к беглому программисту, и в силу каких причин непременно желает заполучить его обратно. Ну, разве что Машка кое о чем догадывалась, за полгода она неплохо изучила Цента, но и она считала, что сбежал Владик, и бог с ним.

– А есть ли смысл? – осторожно спросила Алиса. – Он сделал свой выбор. Зачем неволить человека? А машину мы тебе новую дадим, у нас много транспорта.

Цент сообразил, что люди тупо не понимают всей тонкости ситуации. Или же делают вид, что не понимают, и это еще хуже. А ведь все было ясно, как день. Владик от него сбежал, еще и обокрал, еще и оскорбил, еще и унизил, уничтожив коллекцию шансона. Своими деяниями очкарик низвел его, Цента, до уровня лоха. И что же, закрыть на все это глаза? Жить себе дальше, будто бы ничего не случилось? Да не повредились ли они все умом?

– Забудь ты о нем, – посоветовал Андрей.

– Забыть? – переспросил Цент. Нет, эти люди решительно ничего не понимали. Впрочем, что взять с детей эпохи порядка и стабильности? Объяснять им бесполезно, не поймут, а вот их помощь в поимке беглого программиста была бы нелишней.

И тут Цента осенило. Он, в общем-то, и раньше подозревал, что гений, но теперь убедился в этом окончательно. Потому что в его безмерно талантливой голове только что родился на свет потрясающий план.

– Вы просто не все знаете, – туманно заявил он.

– Чего не знаем? – тут же заинтересовалась Алиса.

– Всего. Всей правды о Владике.

– Какой правды? – удивилась Машка. Уж она-то была уверена, что знает о Владике все. Да в нем и не было никаких тайн, все содержимое лежало на поверхности и хорошо просматривалось невооруженным взглядом через пять минут знакомства.

– Владик особенный, – еще больше подпустил туману Цент.

– В чем это выражается? – уточнил Андрей.

И тут Цент выдал сенсацию.

– В том, что Владик, это последняя надежда человечества! – выпалил он.

Народ обменялся удивленными взглядами, но явно не поверил.

– Что это значит? – попросила разъяснений Алиса. – Каким образом Владик является последней надеждой человечества?

– А таким, что в его крови содержится лекарство, способное превратить всех зомби в нормальных людей, – добил публику Цент. – Вы думаете, почему я его с собой таскал, нянчился, защищал. По доброте душевной? Да потому что этот хилый заморыш бесценен!

Признание повергло слушателей в шок, Андрей даже автомат из рук выронил. А когда столбняк, вызванный сенсацией, прошел, на Цента посыпался град вопросов. Даже Машка, и та поверила. А когда она спросила, почему же Цент все это время заставлял бесценного Владика мерзнуть на холоде и кормил луком, гениальный выдумщик растолковал ей, что от тепла и мяса с сухариками у Владика может измениться состав крови, и тогда ее уже нельзя будет использовать в качестве лекарства.

Затем Цента понесло, и он в красках расписал, как Владика ему на попечение передал перед смертью какой-то важный ученый из секретной военной лаборатории, и попросил о нем позаботиться. Он же, ученый, и раскрыл Центу секрет Владика. Оказывается, тот участвовал

в секретных испытаниях в качестве подопытного, и только его кровь содержит вещество, способное превращать мертвецов в нормальных людей.

– Ну, не сама кровь, – samozабвенно врал Цент, – лекарство еще нужно из нее приготовить. Тут нужен толковый медик. Ну, хоть один-то, я думаю, еще остался на белом свете. Вот хотел отыскать такого, чтобы он сумел лекарство сварить, а потом мы бы все человечество спасли. Понимаете теперь, как ценен Владик, и как важно вернуть его обратно?

Цент не рассчитывал, что публику удастся развести так легко, все же не благословенные девяностые, когда лохи устраивали давки на входах во всевозможные финансовые пирамиды, дабы скорее расстаться со своими сбережениями. Эти восхитительные картины времен непуганых лохов до сих пор стояли перед глазами Цента. Наглые, расталкивающие всех локтями и костылями бабки, рвущиеся вручить мошенникам свои похоронные рубли, труженики с севера, что заработали там нелегкой пахотой большие деньги, но напрочь отморозили мозги, и в очах каждого лишь жадность и неумная жажда халявы. Что за время было! Иным ловкачам удавалось облапошить не десять-двадцать лохов, а сотни тысяч. Казалось, что в огромный загон, где паслись ленивые, жирные, давно потерявшие страх и бдительность овцы и барашки, ворвалась стая матерых волков. Тем приятнее было осознавать себя одним из серых хищников, потому что бараном Цент быть не хотел, ибо вообще не круто. Он, конечно, не поднялся до таких высот, как строители пирамид, но тоже взимал с лохов долю законную. Платили проститутки, платили хозяева киосков, платили нищие, на должность которых Цент набирал оголодавших актеров из театра юного зрителя. Все несли дань братве, а кто не нес, того родные и друзья несли ногами вперед в сторону кладбища. Да, водился лох в свое время на земле русской, и знатный, надо заметить, лох. Возвратить бы те времена по второму кругу, уж тогда бы Цент всех этих строителей пирамид за пояс заткнул. Ну да что грезить несбыточным?

– Что же ты раньше-то молчал? – в отчаянии закричала Алиса. – Если бы мы знали, что Владик носитель лекарства, мы бы его берегли как зеницу ока.

– Да я чего? – прикинулся дураком Цент. – Я ведь не знал, можно ли вам доверять. А вот теперь вижу, что да, можно. Потому и докладываю все, как есть, без утаек и недомолвок.

– Господи, да ведь нужно скорее пускаться в погоню, – суетилась Алиса. – Вдруг с ним что-то случится.

– Сплюнь! – суеверно закричал Цент. – И по дереву три раза стукни. А лучше шесть, для верности. Что в погоню надо, это ясно. Ежели Владик сгинет, то и нам хоть в петлю. Вы вот что, давайте-ка организуйте все, а я бы хотел с программистами вашими переговорить. Где они?

– Да на что тебе программисты? – удивился Андрей. – Идем к Бате, расскажешь ему все.

– Батю сами в курс дела введете, коротенько и по сути. Время играет против нас. Владик одержим суицидными думами, да и от зомби не отобьется, ибо немощен. А к программистам у меня разговор серьезный, вы не думайте. Ведь что важно в любой охоте – следует знать повадки добычи, ее образ мысли, устремления, мечты, эротические фантазии. Я так думаю, что все программисты одинаково мыслят, вот и хочу их поспросить.

– Ну, хорошо, – не стал спорить Андрей. – Мы тогда к Бате, а ты ступай вон туда, спроси там, где сейчас золотари. Только не задерживайся. Мы прямо сейчас снарядим поисковые группы, и в погоню. Ох, только бы успеть прежде, чем до него доберутся зомби.

– Да, да, это самое главное, – кивал Цент. – Ну, ступайте. А я программистов поищу. Золотарей, говоришь, спросить. Ну, добро, спрошу золотарей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.